

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Факультет филологии и искусств

Кафедра Общего языкознания

Оскольская Софья Алексеевна

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ
В НАНАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Выпускная квалификационная работа
бакалавра лингвистики

Научный руководитель: д.филол.н., доцент

Перехвальская Елена Всеволодовна

Рецензенты:

д.филол.н., вед.н.с. Певнов Александр Михайлович,

д.филол.н., профессор Русаков Александр Юрьевич

Санкт-Петербург, 2009 год

Оглавление

1. Введение	3
2. Именная множественность	5
2.1. Показатели аддитивной множественности	6
2.2. Показатель ассоциативной множественности	8
2.3. Проблема факультативности показателей множественного числа	12
2.4. Согласование и факультативность числа	30
2.5. Соединение именных групп. Комитативные конструкции	37
3. Глагольная множественность	44
3.1. «Вид многократности и многообъектности действия»	45
3.2. Ситуации с множеством участников	49
4. Заключение	61
Литература	63
Приложение 1. Общие сведения о нанайском языке	67
Приложение 2. Список глосс	75

1. Введение

В данной работе рассматриваются различные грамматические способы описания ситуации с множеством участников в нанайском языке¹. Ситуация с множеством участников представляет собой такую ситуацию, в которой множественность представлена двумя или более участниками, обладающими одинаковой семантической ролью (ср. [Архипов 2005: 115]). Примером такой ситуации может служить реципрокальная ситуация (например, 'мальчики дерутся') или ситуация, описывающая совместное действие (например, 'Аня с Машей поют'). Естественным образом, в число ситуаций, которые описывают множественность участников, не входят те, в которых участники обладают разными семантическими ролями. Так, очевидно, под рассмотрение не попадают ситуации, в которых задействовано два участника — Агенс и Пациенс (например, 'Петя бьет Васю').

Принято различать субстантивную (или именную) и глагольную множественность участников (см. [Плунгян 2003: 283], [Corbett 2000: 246]). В сферу именной множественности попадают грамматические показатели множественного числа и собирательности существительных, формы множественного числа местоимений, формы множественного числа личной и возвратной притяжательности, согласование предикатов. В сферу глагольной множественности входят показатели, указывающие на множественного агентивного или пациентивного участника. Такие показатели встречаются далеко не в каждом языке и обычно носят деривационный характер. Однако к числу показателей глагольной множественности следует относить не только маркеры множественности как таковой, но и средства, которые маркируют определенные отношения между двумя и более участниками. К таким маркерам относится в первую очередь показатель реципрока.

¹ Нанайский язык относится к тунгусо-маньчжурской группе алтайской языковой семьи. По данным Всероссийской переписи населения 2002 года на нанайском языке говорит около 3000 нанайцев, живущих на Дальнем Востоке (Хабаровский и Приморский края РФ). Самой полной и подробной грамматикой нанайского языка является на данный момент грамматика В.А. Аврорина в двух томах [Аврорин 1959, 1961].

Хотя способы выражения именной и глагольной множественности значительно различаются по своим свойствам и особенностям употребления, их стоит рассматривать вместе по крайней мере по двум причинам. Во-первых, некоторые глагольные показатели сходны по значению и имеют то же происхождение, что и соответствующие им именные показатели. Например, показатель «вида многократности и многообъектности действия» *-kta/-ktə* (*buu-ktə-xə-ni* давать-PLR-PC.PST-P.3SG ‘раздал’) омонимичен и, очевидно, родственен по происхождению непродуктивному показателю собирательности имен существительных *-kta/-ktə* (*gakta* ‘клюква’ или *siŋgəktə* ‘черемуха’)². Во-вторых, описывать конкретные средства выражения множественности участников, не учитывая при этом других средств, не представляется возможным — иначе это описание окажется слишком неполным, а некоторые свойства описываемых средств будут упущены. Так, невозможно описывать комитативы и соединение именных групп, не обращая внимания на их согласование с предикатом; а при описании реципрока недостаточно рассматривать только глагольную словоформу — требуется обращаться и к соединению именных групп, и к согласованию. Поэтому внимание в данной работе акцентируется не столько на самих комитативах и реципроках, сколько на комитативных и реципрокальных конструкциях. Некоторые конструкции (в данном случае — реципрокальные) включают в себя средства выражения как глагольной, так и именной множественности, что делает необходимым рассматривать и то, и другое в рамках одного исследования.

Таким образом, цель данной работы заключается в описании грамматических (как морфологических, так и синтаксических) средств выражения множественности участников в нанайском языке. Описание грамматических средств выражения того или иного значения подразумевает выполнение ряда задач, а именно — выявление самих средств, а также, что немаловажно, выявление их морфосинтаксических свойств и особенностей функционирования. Кроме того, предлагается интерпретация описанных

² Об этом см. подробнее Раздел 2.1 и Раздел 3.1.

фактов грамматики нанайского языка, как на основе сравнения с родственными тунгусо-маньчжурскими языками, так и в общетипологической перспективе.

В первой части работы будут рассматриваться способы выражения именной множественности, во второй части — способы выражения глагольной множественности.

Данное исследование основано на материалах, собранных в ходе лингвистической экспедиции в Нанайский район Хабаровского края (пос. Найхин, Даерга, Троицкое) в сентябре 2007 года³ по гранту РФФИ 07-06-00278 «Разработка и создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий», а также на некоторых изданных нанайских текстах ([Аврорин 1986], [Сем 1976], [Суник 1958]).

2. Именная множественность

Основной показатель, который используется в большинстве случаев для выражения значения множественного числа, — *-sal/-səl*. Помимо него есть варианты этого суффикса, характерные для отдельных лексем, которые исторически восходят к показателю множественности **-l* или его сочетанию с другими показателями (суффикс *-resal* для слов *mapa* ‘старик’ и *tama* ‘старуха’, суффиксы *-l*, *-ltal/-ltəl* и суффикс *-sil* для слова *žea* ‘друг’). Кроме того, существует ряд маркеров собирательности, которые также выражают множественность объектов (см. Раздел 2.1). Эти показатели относятся к области аддитивной множественности и противопоставляются показателю так называемой ассоциативной множественности *-ana/-ənə*, который употребляется значительно реже (см. Раздел 2.2). Наличие показателя аддитивной множественности на слове X означает, что в данном множестве каждый объект может быть описан словом X. Например, в слове *столы* «-ы» — показатель аддитивной множественности, так как каждый объект в множестве *столы*

³ Я благодарю наших информантов, оказавших неоценимую услугу, предоставив нам бесценные материалы: Николая Чубаковича и Софью Сергеевну Бельды, Раису Алексеевну Киле, Лидию Тимофеевну Киле, Владимира Баговича Оненко, Лилию Петровну Киле, Феодосию Николаевну Бельды, Константина Мактовича и Зинаиду Николаевну Бельды.

является *столом*. Форма ассоциативной множественности, в свою очередь, обозначает «множество объектов, включающее референт имени N и связанные с ним объекты» [Даниэль 2000: 4]. Например, в нанайском слове *Polokto-ana*⁴ Полокто-ASS.PL *-ana* является показателем ассоциативной множественности, поэтому данная словоформа означает не 'несколько человек по имени Полокто', а 'Полокто и его родственники/друзья/коллеги'.

В Разделе 2.4 речь пойдет о согласовательных показателях. Раздел 2.5 посвящен соединению именных групп (СИГ) и комитативным конструкциям.

2.1. Показатели аддитивной множественности

Для обозначения множественности объектов в нанайском языке может использоваться показатель *-sal/-səl* (*daŋsa-sal* 'книги', *dərə-səl* 'столы'). Г.И. Рамстедт возводит этот суффикс к самостоятельному слову **sel* «все вместе» [Рамстедт 1957: 60], в качестве доказательства приводя монгольское *selte* «вместе с, наряду с, с» (...), «как и» (...), «вместе взятые». Проверить достоверность этого предположения на данный момент не представляется возможным. Однако и фактов, противоречащих этой гипотезе, не обнаружено.

Кроме того, Г.И. Рамстедт также упоминает суффикс *-l* как один из показателей множественного числа в тунгусо-маньчжурских языках. Действительно, в нанайском языке для обозначения терминов родства и некоторых других лиц вместо суффикса *-sal/-səl* употребляется суффикс *-l* или *-ltal/-ltəl* (*sag ži-l* старый-PL 'старик', *ame-ltal-chi* отец-PL-P.3PL 'их отцы').

Для обозначения множества участников может употребляться показатель собирательности. В нанайском языке есть два показателя собирательности: *-žoan/-žuan* (*nuchi-kən-žoan* малый-DIM-COLL 'дети') и непродуктивный суффикс *-kta/-ktə/-kto*, который прослеживается во многих словах, хотя в большинстве случаев его уже невозможно отделить от корня (*nuktə* 'волосы', *bookto* 'кедровые орехи'). Интересно отметить его очевидное сходство, как по

⁴ Полокто — нанайское имя.

форме, так и по значению, с глагольным показателем вида многократности и многообъектности действия (см. упоминание в Введении, а также Раздел 3.1).

В.А. Аврорин пишет о возможности сочетания показателей собирательности и множественного числа, приводя такой пример: *more-kan-žoan-sal* лошадь-DIM-COLL-PL ‘жеребята’ — словоформа, которая по своему значению похожа на словоформы *more-kan-žoan* лошадь-DIM-COLL ‘жеребята (вообще)’ и *more-kan-sal* лошадь-DIM-PL ‘жеребята (определенные, поддающиеся счислению)’ [Аврорин 1959: 110]. При этом он отмечает редкость употребления сочетания двух показателей: «Впрочем употребление форм множественного числа в подобных случаях встречается почти исключительно в литературе. В разговорной же речи им, как правило, соответствуют формы единственного числа» [1959: 140]. Наши данные и опрос носителей языка показывают, что сочетание маркеров собирательности и множественного числа в одной словоформе в принципе невозможно:

- (1) *More-kan-sal* / *more-kan-žoan* / * *more-kan-žoan-sal*
Лошадь-DIM-PL / лошадь-DIM-COLL / * лошадь-DIM-COLL-PL
aodan-du *sea-re-chi*.
луг-DAT питаться-PC.NPST-P.3PL
‘Жеребята пасутся на лугу’.

Предпочтительной при этом является форма множественного числа, а не собирательная форма.

В таком случае, на мой взгляд, целесообразнее выделять альтернативный показатель множественного числа, лексически закрепленный за ограниченным набором основ, — *-žoan/-žiən*. К этим основам относятся в первую очередь основы с уменьшительным суффиксом *-kan/-kən*. Связь уменьшительного суффикса с собирательным объяснить трудно, но она существует, ср. такую пару примеров: *more-kan-žoan* лошадь-DIM-COLL ‘жеребята’ и * *moren-žoan* лошадь-COLL ‘лошади’, в которой первая словоформа является допустимой, а вторую словоформу нанайцы запрещают. Единственный способ выразить

значение множества лошадей — с помощью суффикса *-sal*: *moren-sal* лошадь-PL.

2.2. Показатель ассоциативной множественности

Помимо показателей аддитивной множественности, в нанайском языке есть показатель так называемой ассоциативной множественности *-ana/-əna* (более подробно об этом показателе см. [Оскольская 2007а] или [Оскольская 2007б]).

- (2) *Si ame-na-si an'ea-chi ži-chi-chi.*
2SG отец-ASS.PL-P.2SG праздник-DIR прийти-PC.PST-P.3PL
'Твой отец с родственниками пришел на праздник' или
'Твои родители пришли на праздник'

Как было сказано выше, форма ассоциативной множественности, в свою очередь, обозначает «множество объектов, включающее референт имени N и связанные с ним объекты» [Даниэль 2000: 4]. Эксплицированный референт называется фокусным референтом, а неэксплицитные референты — ассоциированными референтами. В примере (2) *отец* является фокусным референтом, а его *родственники* — ассоциированными референтами.

Показатель ассоциативной множественности должен обладать некоторыми свойствами, которые могут отличаться от свойств показателей аддитивной множественности в силу разницы в значении этих показателей. Рассмотрим некоторые особенности употребления нанайского показателя *-ana/-əna*.

1. Показатель *-ana/-əna* не сочетается с показателем *-sal/-səl*, что характерно и для других именных показателей множественного числа:

- (3) * *Aga-ana-sal*
ст.брат-ASS.PL-PL

2. Показатель *-ana/-əna* сочетается с посессивными показателями. Это также свойственно и другим показателям множественного числа (см. примеры 19, 32 и др.). Однако в случае с ассоциативной множественностью необходимо отметить, что притяжательные показатели могут присоединяться только к

повествовательной форме (о повествовательной форме см. Приложение 1). Кроме того, неочевидно, к чему именно относится притяжательное значение: к фокусному или к ассоциированным референтам. В примере (4) приведены три теоретически возможные интерпретации и их оценка носителями языка:

(4) *ame-na-si*

отец-ASS.PL-P.2SG

1. *‘Твой отец и его друзья, коллеги’.
2. ^{ok}‘Твой отец и его семья (=твоя семья)’.
3. ^{ok}‘Твои родители (=твой отец и его жена)’.

По всей видимости, притяжательный показатель относится ко всем референтам: не только к фокусному, но и к ассоциированным.

3. Падежные показатели могут сочетаться со всеми словоформами на *-ana/-əna*.

(5) ...*buə tapchemžə-ana-wa əjnə ichə-kə-pu...*

1PL кузнец-ASS.PL-OBL сегодня видеть-PC.PST-P.1PL

‘Мы семью (или компаньонов) кузнеца сегодня видели’

Исключение составляют все звательные формы, включая слова *bareana* и *andaana* ‘друг’, которые не имеют соответствующей однокоренной повествовательной формы. Для выражения этого значения используется другая лексема *žea* (мн. ч. *žea-sil*). Это вполне естественно, так как все падежные формы могут образовываться только от повествовательного варианта существительных.

Особый интерес представляет форма дательного-местного падежа, то есть падежа с пространственным значением. М.А. Даниэль в [Даниэль 2007] пишет, что по типологическим данным форма ассоциативной множественности в сочетании с пространственным показателем может иметь значение ‘дома у X-а’. Причем в некоторых языках (например, в татарском) такая форма может иметь значение как ‘дома у X-а’, так и ‘дома у X-а и его семьи’, наличие других лиц, кроме фокусного референта, в данном множестве не имеет значения.

Таким образом, ассоциируемым референтом оказывается не человек, а пространство, дом. Однако в нанайском языке ассоциативная словоформа с показателем дательного падежа может означать только 'дома у X-а и его семьи' (если рассматривать только пространственные интерпретации датива). Значение 'дома у X-а' при этом невозможно.

(6) *Polokto-ana-du*

Полокто-ASS.PL-DAT

1. ^{ok} 'у Полокто (и его семьи)'
2. ^{ok} 'у Полокто и его друзей'
3. * '(дома) у Полокто [Полокто живет один]'

Пример (6) показывает, что по данному свойству показатель *-ana/-əna* ведет себя скорее как показатель аддитивной множественности, нежели ассоциативной.

4. Ассоциативная словоформа не может быть вершиной именной группы, то есть не может иметь зависимые (прилагательные или квантификаторы). Так, в примерах (7–9) невозможно употребление словоформы *Polokto-ana* в сочетании с прилагательным (7), числительным (8) и квантором 'много' (9) при ассоциативной интерпретации. Однако информанты допускают также аддитивную интерпретацию этих предложений, при которой они становятся допустимыми (7.2, 8.2, 9.2).

(7) *dai Polokto-ana*

большой Полокто-ASS.PL

1. * 'Большая семья Полокто'
2. ^{ok} 'Большие люди по имени Полокто'

(8) *ʒuər Polokto-ana Polokto axon.dəun-duləj-n'i*

Два Полокто-ASS.PL Полокто родство-LOC-P.3SG

1. ? 'Два человека из семьи Полокто'
2. ^{ok} 'Два Полокто из семьи Полокто'

(9) *Əgʒi Polokto-ana Najxen-du balʒe-chi.*

Много Полокто-ASS.PL Найхин-DAT жить-Р.3PL

1. [?] ‘Много родственников Полокто живут в Найхине’.

2. ^{ок} ‘Много человек по имени Полокто живут в Найхине’

Тем не менее, надо признать, что примеры типа (7.2, 8.2, 9.2) в текстах ни разу не встретились. Для выражения этих значений нанайцы предпочитают употреблять показатель *-sal/-səl*.

5. Форма с показателем *-ana/-ənə*, как и форма множественного числа с показателем *-sal/-səl*, требует обязательного согласования с предикатом по числу: причастие или, реже, финитная форма всегда имеют притяжательный показатель множественного числа, притяжательный показатель единственного числа в этом случае недопустим:

(10) *Ama-ana lespromxoza-du ʒobo-j-chi.*

Отец-ASS.PL леспромхоз-DAT работать-РС.NPST-Р.3PL

‘Отец и его компаньоны работают в леспромхозе’.

(11) * *Ama-ana lespromxoza-du ʒobo-j-n'i.*

Отец-ASS.PL леспромхоз-DAT работать-РС.NPST-Р.3SG

‘Отец и его компаньоны работают в леспромхозе’.

6. В нанайском языке исключение фокусного референта невозможно, то есть форма ассоциативной множественности не может относиться по своему значению только к ассоциированному референту⁵:

(12) * *Əjn'ia-wə Polokto-ana bun-chi ʒi-ʒi-chi.*

Сегодня-OBL Полокто-ASS.PL 1PL-DIR прийти-РС.NPST-Р.3PL

Polokto bajə-n'i-tən'i ʒi-ʒə-si.

Полокто тело-Р.3SG-а прийти-NEG-РС.NPST

‘Сегодня к нам придет семья Полокто, но сам Полокто не придет’.

⁵ М.А. Даниэль отмечает, что такое явление встречается в некоторых языках, но «степень допустимости исключения фокусного референта из референции ассоциативной формы в разных языках разная» [Даниэль 2000: 76]. В качестве примера языка, в котором возможно исключение фокусного референта, М.А. Даниэль приводит венгерский язык.

Также необходимо отметить, что показатель *-ana/-əna* может употребляться и в значении аддитивной множественности:

- (13) *Aŋg-na-ni* *siksə* *ʒok-che-ari*
ст.брат-ASS.PL-3SG вечер дом-DIR-P.REFL.PL
augu-xə-chi, *ʒog-du* *ixərə-də* *aba.*
вернуться-PC.PST-P.3PL дом-DAT лампа-NEG NEG.COP

‘Старшие братья вечером спустились к себе домой. В доме даже лампы нет’.

Таким образом, стоит говорить о том, что показатель *-ana/-əna* воспринимается и употребляется как один из показателей множественного числа, который лексически закреплен за именами определенного типа (звательная форма терминов родства, слова *bare* и *anda* ‘друг’). В редких случаях этот показатель может употребляться в значении ассоциативной множественности. Однако в современном нанайском языке предпочтительным является перифрастический способ выражения этого значения:

- (14) *Polokto an'ea-chi* *məna* *xala-ʒe-i*
Полокто праздник-DIR сам род-INS-P.REFL.SG
ʒi-chi-n'i.
прийти-PC.PST-P.3SG

‘Полокто со своей семьей пришел на праздник’.

В примере (14) ассоциированный референт выражен отдельной именной группой, а не специальным показателем множественности.

2.3. Проблема факультативности показателей множественного числа

Маркирование множественного числа в нанайском языке является факультативным. Это означает, что, например, наличие в словоформе суффикса *-sal/-səl* говорит о множественности участников, в то время как обратное неверно: нельзя сказать, что множественность участников всегда выражается с

помощью специального показателя *-sal/-səl*. Очевидно, немаркированная форма, которую принято считать «формой единственного числа», может обозначать как единичность, так и множественность участников. Это отмечает и В.А. Аврорин [Аврорин 1959: 138], предлагая называть немаркированную форму единственного числа формой «общего» числа. Об этом же пишет О.П. Суник, обсуждая вопрос о существовании грамматической категории числа в тунгусо-маньчжурских языках [Суник 1982: 116]. Не имеет смысла выделять в языке грамматическую категорию, в которой первый член оппозиции оказывается немаркированным, а второй член оппозиции маркируется необязательно и нерегулярно. Однако можно предположить, что выбор формы общего vs. множественного числа зависит не только от единичности / множественности участников, но и от других параметров, таких как одушевленность, определенность и др. Рассмотрению этой проблемы и посвящен данный Раздел.

В.А. Аврорин в [Аврорин 1959: 140–141] выделяет четыре типа случаев, когда множественность участников не маркируется:

- 1) «Когда существительное по своему значению, заключенному в самом его корне (единичные случаи) или придаваемому ему словообразовательным формантом собирательности, способно обозначать множественность одноименных предметов...»

Речь идет об именах существительных с собирательным значением (*gurun* ‘народ’) и об именах существительных с показателями собирательности *-ʒoan/-ʒuən* или с непродуктивным суффиксом *-kta/-ktə/-kto* (подробнее о показателях собирательности см. Раздел 2.1).

Если считать показатель собирательности еще одним маркером множественности наряду с *-sal/-səl*, то очевидно, что сочетание собирательной словоформы с основным показателем множественного числа невозможно. Более того, при такой трактовке п. 1) оказывается лишним, так же как лишним

был бы пункт, в котором говорилось бы о недопустимости словоформы с двумя показателями *-sal/-səl*.

В любом случае, независимо от трактовки, слово, которое содержит в себе значение множества участников (с показателем собирательности или без него), не может образовывать форму множественного числа на *-sal/-səl* по своим прагматическим свойствам. Это связано с тем, что участник (а точнее, множество участников), выраженный таким собирательным словом, является кумулятивным: этим же словом может быть описана как часть данного множества участников, так и совокупность из нескольких одинаковых множеств участников. Так, слово *gurun* 'народ' будет соответствовать референту с N участниками, равно как и части этого референта (допустим, N/2 участников), и совокупности из нескольких таких референтов (например, 2N участников). Очевидно, это свойство характерно не только для собирательных существительных и слов с собирательными аффиксами, но и для любых слов в форме множественного числа. И наличие этого свойства не допускает сочетания в одной словоформе нескольких показателей множественности участников.

О втором случае отсутствия показателя множественного числа В.А. Аврорин пишет следующее:

- 2) «Когда существительное имеет при себе определение, прямо или косвенно указывающее на его количественный признак».

Под такими определениями имеются в виду числительные и слова со значением 'много', 'несколько', 'все' и др.:

- (15) *Əniə* *buu-xə-n'i* *puril-du-i* *tojŋga*
Мать дать-PC.PST-P.3SG дети-DAT-P.REFL.SG пять
jabloko-wa.
яблоко-OBL
'Мама дала детям 5 яблок'.

(16) *Chaoxa-du naj-sal əgʒi naj-wa*
 война-DAT человек-PL много человек-OBL
waa-re-chi.
 убивать-PC.NPST-P.3PL

‘На войне люди многих людей убивают’.

В сочетании с числительным существительное никогда не берет на себя показатель *-sal/-səl*. Хотя В.А. Аврорин дает альтернативные варианты с этим показателем (см. 17), сами носители языка никогда такие примеры не порождают.

(17) *Ǟoan naj / Ǟoan naj-sal ogda-du*
 Два человек / два человек-PL лодка-DAT
o-xa-chi.
 садиться-PC.PST-P.3PL

‘Два человека сели в лодку’.

В сочетании со словами-кванторами с количественным значением (*əgʒi* ‘много’, *xət* ‘все’ и др.) возможна как немаркированная форма, так и форма на *-sal/-səl* (ср. 16 и 18):

(18) *Buə balana pulsi-du-pu-wə xaj-du=da xət*
 1PL давно ходить-DAT-P.1PL-OBL что-DAT=COP все
əgʒi bajun-səl bi-chin.
 много зверь-PL быть-PC.PST

‘Когда мы раньше ходили, всяких зверей было много’.

Третий случай отсутствия показателя множественного числа:

3) «Когда слова, грамматически не связанные с существительным, косвенным образом свидетельствуют о множественности обозначаемых им предметов» [1959: 141].

В.А. Аврорин имеет в виду наличие в предложении любых слов, отражающих значение множественности участников (19), а также контекст, по которому значение единичности исключено (20 и 21).

(19) *N'oan'i mənə daŋsa-i / daŋsa-sal-bi хэм*
 3SG сам книга-P.REFL.SG / книга-PL-P.REFL.SG все
xola-xa-n'i.

читать-PC.PST-P.3SG

‘Он свои книги все (целиком) прочитал’.

В примере (19) на множество книг указывает слово *хэм* ‘все’, которое относится к числу определений в п. 2). На первый взгляд, примеры такого типа следует относить к типу употребления, описанному в п. 2). Единственное, что отличает примеры типа (19) от примеров типа (18), это синтаксическая позиция слова со значением множества или количества: в примере (18) слово *хэм* является определением к существительному, а в примере (19) — судя по всему, обстоятельством, зависящим от глагола. Но для данной классификации синтаксическая позиция не имеет большого значения, поскольку она, по всей видимости, никак не влияет на факультативность / обязательность рассматриваемого показателя в конкретном случае употребления.

(20) *Uchənikə-sal shkola-wa kəndəli mo-wa*
 Ученик-PL школа-OBL вокруг дерево-OBL
/ mo-sal-ba tare-xa-chi.

/ дерево-PL-OBL вырастить-PC.PST-P.3PL

‘Ученики вокруг школы деревья посадили’.

(21) *Chisəən'ia ama wa-cta-xa-ni bejum-be.*
 Вчера отецубить-PLR-PC.PST-P.3SG зверь-OBL

‘Вчера отец убил зверей’.

В примерах (20) и (21) о множественности объекта можно догадаться из контекста: в примере (20) невозможно представить ситуацию, при которой ученики посадили **вокруг** школы одно дерево, а в примере (21) на множество зверей указывает глагол с аффиксом многократности — невозможно **убить**

зверя несколько раз⁶. Примеры типа (20) и (21) можно отнести и к п. 4), в котором множество участников определяется именно контекстом:

4) «Когда множественность предметов, обозначаемых существительным, естественно подсказывается контекстом» [Аврорин 1959: 141].

В качестве примера на четвертый случай опущения показателя множественного числа В.А. Аврорин приводит следующее предложение:

(22) *Buə Buri-chi* *enda-žǐ* / *enda-sal-žǐ*
1PL Хабаровск-DIR собака-INS / собака-PL-INS
pulsi-xə-pu.
ходить-PC.PST-P.1PL
'Мы в Хабаровск на собаках ездили'.

Если сравнить примеры (22) и (20) (а пример (20) также взят из [Аврорин 1959: 141]), то никаких формальных различий между типами 3) и 4) заметить не удастся. Кроме того, строго говоря, числительные и слова-кванторы с количественным значением тоже являются частью контекста, поэтому 4) случай опущения показателя должен включать и 2) описанный случай опущения. По всей видимости, В.А. Аврорин понимает *контекст* в более узком смысле.

Как кажется, описание случаев, в которых возможно опущение показателей множественного числа, представленное в [Аврорин 1959: 140–141], не является строгим и исчерпывающим. Так, не учтены предложения с немаркированной формой существительного, о множественности которого можно догадываться лишь зная ситуацию: в самом предложении отсутствуют какие бы то ни было «подсказки».

Из приведенного описания следует, что показатели множественного числа являются факультативными. Это означает, что есть ряд случаев, в которых нанайцы могут употребить соответствующий показатель, а могут и не

⁶ NB! В данном примере этот глагол означает именно 'убить', а не 'убивать'. В последнем случае использовался бы глагол *waa-che-xa-ni* убить-IPFV-PC.PST-P.3SG. Тогда словоформа *bəjum-bə* зверь-OBL могла бы интерпретироваться в единственном числе: 'убивал зверя'.

употребить, причем выбор маркирования / немаркирования не зависит от каких-либо конкретных грамматических или семантических параметров. Если это действительно так, то наличие грамматической категории числа в нанайском языке ставится под сомнение, поскольку грамматическая категория предполагает в первую очередь обязательность: «Грамматическая категория <...> — множество взаимоисключающих значений, обязательное для некоторого естественного подкласса словоформ языка» [Плунгян 2003: 109]. В случае с нанайским языком мы имеем дело с двумя взаимоисключающими значениями: значение единичности и значение множественности. Поэтому все словоформы, обладающие категорией числа, должны делиться на две группы, соответствующие значению единичности и значению множественности, то есть одна группа маркирована показателем единственного числа, а другая — показателем множественного числа. В нанайском языке показателем множественного числа можно считать суффикс *-sal/-səl*, а показатель единственного числа в этом случае оказывается нулевым. Наличие грамматического нулевого показателя постулируется тогда, когда речь идет о грамматической категории, то есть об обязательности: «Если в некоторой позиции в тексте *обязательно ожидается* показатель некоторого значения, но при этом материальный показатель все же отсутствует, то само отсутствие показателя является значимым (иначе говоря, является *нулевым знаком*)» [Плунгян 2003: 84]. Исходя из этого определения, отсутствие показателя *-sal/-səl* в словоформе должно означать единичность описываемого объекта. Однако, как показывает приведенное выше описание случаев опущения показателей множественного числа, отсутствие показателя *-sal/-səl* в нанайском языке не является значимым, поскольку такая словоформа может обозначать как единственное, так и множественное число. Аналогичным образом не принято выделять в русском языке грамматическую категорию пола на основании существования таких пар слов, как *почтальон – почтальонша* или *гусь – гусыня*. В этом случае неуместно говорить о специальной грамматической категории пола, так как хотя второй член каждой пары слов

выражает значение человека / животного женского пола, первое слово в каждой из пар может означать как человека / животное мужского пола, так и человека / животное женского пола.

О грамматикализации нулевого показателя также пишет и американская исследовательница Дж. Байби [1994]. Она рассматривает грамматикализацию нулевого показателя, сравнивая употребление формы прогрессива (*be + ing*) и употребление формы хабитуалиса прошедшего времени (*used to*) в английском языке. Дж. Байби пишет о грамматикализации прогрессива следующее: «До того, как перифрастическая конструкция (для обозначения прогрессива) развилась и стала частотной, форма настоящего времени в английском языке употреблялась для описания прогрессивных, хабитуальных и стативных ситуаций в настоящем времени. В современном английском языке значение прогрессива выражается с помощью конструкции *be + ing*, а форма настоящего времени имеет только значение хабитуалиса для динамических предикатов»⁷ [Bybee 1994: 238].

(23) *I drink decaf.*

‘Я (обычно) пью кофе’.

(24) *I am drinking a cup of decaf right now.*

‘Прямо сейчас я пью кофе’.

(25) * *I drink a cup of decaf right now.*

‘Прямо сейчас я пью кофе’.

В предложении (23) глагольная форма не имеет материально выраженного показателя и означает действие, которое обычно совершается субъектом. Эта же глагольная форма не может иметь актуально длительного прочтения (25). Для этого значения **обязательно** употребляется специальная форма прогрессива (24).

Иначе дело обстоит с формой хабитуалиса прошедшего времени.

⁷ “Before the periphrastic construction developed and became frequent, the English Simple Present was used to indicate progressive, habitual and stative meanings in present time. In Modern English, the progressive meaning is expressed by *be + ing* and the Simple Present has the meaning of habitual with dynamic predicates” [Bybee 1994: 238].

(26) *She sang to him.*

‘Она пела / спела ему’.

(27) *She used to sing to him every day.*

‘(Раньше) она пела ему каждый день’.

(28) *She sang to him every day.*

‘(Раньше) она пела ему каждый день’.

В примере (26) немаркированная глагольная форма может иметь перфективное значение. Для выражения значения хабитуалиса может употребляться специальная форма с *used to* (27), а может употребляться такая же немаркированная форма, как и в (26), — (28).

Таким образом, в примерах (23–25) нулевой показатель является грамматикализованным (то есть ему приписывается одно определенное значение), так как соответствующий показатель прогрессива является обязательным. В этом случае мы имеем дело с грамматической категорией вида. В примерах (26–28) нулевой показатель не является грамматикализованным, он может иметь два значения: как свое собственное, так и то, которое может (но не должно) быть выражено с помощью маркированной формы глагола. Поэтому в английском языке не выделяют специальную грамматическую категорию хабитуалиса.

Для числовых граммем нанайского языка можно привести аналогичную тройку примеров:

(29) *Ən'ia amtaka-wa xusə piktə-du-i*

Мать яблоко-OBL муж ребенок-DAT-P.REFL.SG

bui-xə-n'i.

дать-PC.PST-P.3SG

‘Мама дала сыну яблоко’.

(30) *Ən'ia (əgʒi) amtaka-sal-ba xusə piktə-du-i*
 Мать много яблоко-PL-OBL муж ребенок-DAT-P.REFL.SG
biu-xə-n'i.

дать-PC.PST-P.3SG

‘Мама дала сыну яблоки (много яблок)’.

(31) *Ən'ia (əgʒi) amtaka-wa xusə piktə-du-i*
 Мать много яблоко-OBL муж ребенок-DAT-P.REFL.SG
biu-xə-n'i.

дать-PC.PST-P.3SG

‘Мама дала сыну яблоки (много яблок)’.

Примеры (29–31) иллюстрируют тот факт, что в нанайском языке множественное число может (но не должно) быть выражено с помощью специального показателя *-sal/-səl* (30), в то время как нулевой показатель может иметь значение как единственного (29), так и множественного числа (31).

Таким образом, в нанайском языке наблюдается оппозиция общего vs. множественного числа, которая отличается от привычной нам, носителям русского языка, оппозиции единственного vs. множественного числа. Г.Г. Корбетт отмечает, что аналогичную ситуацию можно обнаружить в разных языках мира, и схематично изображает ее следующим образом [Corbett 2000: 13]:

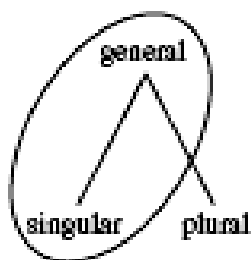

Рис. 1. Система числа общее/единственное vs. множественное

Итак, показатель множественного числа в нанайском языке не является обязательным, а значит, нулевой показатель не грамматикализован. Следовательно, если опираться на критерий обязательности, нельзя постулировать грамматическую категорию числа в нанайском языке.

Однако ситуация может оказаться гораздо сложнее. В некоторых языках с помощью одних граммем (условно назовем их граммемами числа) кумулятивно могут выражаться сразу две категории: числа и детерминации. Иными словами, категория числа может «блокироваться» категорией детерминации. В категории детерминации различаются референтное и нереферентное употребление имен существительных. При референтном употреблении «существительное обозначает один или несколько конкретных объектов (в данном случае не имеет значения, известны ли эти объекты участникам речевого акта или нет)» [Плунгян 2003: 285]. А при нереферентном употреблении «существительное *X* вообще не обозначает никакой конкретный объект: оно обозначает в целом класс объектов с именем *X*, не производя никакой внутренней “индивидуализации”» [там же: 285-286]. В рамках референтного типа употреблений принято выделять определенные и неопределенные употребления. Именные группы называются *неопределенными*, «[е]сли говорящий предполагает, что адресат не в состоянии правильно отождествить объект, <...> в противном случае они являются *определенными*» [Плунгян 2003: 286].

В.А. Плунгян отмечает, что в тюркских языках показатель множественного числа появляется только при референтном употреблении именной группы [Плунгян 2003: 288]. Так, С.Н. Иванов пишет о том, что в турецком языке форма единственного числа может выражать значение «неопределенной собирательности», хотя также приводит ряд примеров, в которых форма единственного числа выражает значение «определенной собирательности» [Иванов 1975: 6–7]. Последнее замечание вызывает вопросы о том, как все-таки употребляются формы единственного и множественного числа в турецком языке и действительно ли их употребление связано с категорией определенности / неопределенности. А.В. Дыбо главным критерием различия употребления формы множественного vs. общего числа считает расчлененность / нерасчлененность считаемой множественности [Дыбо 2002: 108]. Так или иначе, существуют какие-то правила, по которым носители тюркских языков

обязательно выбирают либо форму общего числа, либо форму множественного числа. Наличие этих правил делает категорию числа грамматической.

Г.Г. Корбетт выделяет следующие характеристики употребления, которые могут повлиять на однозначность выбора формы общего vs. множественного числа: топик vs. не-топик, первое упоминание vs. последующее упоминание, референтное vs. нереферентное употребление, лицо vs. не-лицо, определенное vs. неопределенное⁸. В целом, все эти характеристики можно свести к категории детерминации, категории одушевленности (или точнее, к иерархии одушевленности) или же к каким-то прагматическим особенностям употребления.

С точки зрения противопоставления лицо vs. не-лицо, действительно можно заметить в нанайском языке тенденцию к тому, что определенная группа существительных, обозначающих лиц, — а именно, термины родства, — значительно чаще других групп существительных маркируется суффиксом множественного числа, если речь идет о множестве людей. Так, например, в одном тексте несколько раз встречается слово *sag ži-l* 'старый-PL 'старики'', и оно всегда имеет показатель множественного числа, хотя в том же тексте суффикс множественного числа во многих случаях опускается. Необходимо относить это свойство только к определенной группе слов, обозначающих лиц, а не ко всем лицам, так как частотны примеры, в которых отсутствует показатель множественного числа на словах, обозначающих людей:

- (32) *Balana naj tuj talungu-j bi-chi buə*
Давно человек так рассказывать-PC.NPST быть-PC.PST 1PL
sag že-l-pu...
старый-PL-P.1PL
'Раньше люди, наши старики, так говорили...'

⁸ "The following characteristics may favour specifying number: being the topic as opposed to non-topic, first mention versus subsequent mention, referential versus non-referential use, human versus non-human, definite versus indefinite" [Corbett 2000: 14].

В примере (32) слово *naj* 'человек' не имеет показателя множественного числа, а слово *sag ži-l* 'старый-PL 'старики' стоит в форме множественного числа. Возможно, это связано с тем, что многие термины родства имеют свой, непродуктивный, вариант суффикса, отличный от основного. Кроме того, вероятно, суффиксы множественного числа на каком-то этапе сочетались только с лицами так же, как и показатель ассоциативной множественности *-ana/-əna*. О.П. Суник отмечает, что в маньчжурском языке показатели множественного числа свойственны только существительным, обозначающим лиц: «...существительные, обозначающие не-лиц (названия одушевленных и неодушевленных предметов, кроме названий людей), в ма<ньчжурском> языке суффиксально-синтетической формы выражения категории числа не имеют» [Суник 1982: 118]. И далее: «... по сравнению со многими тунг<усскими> языками ма<ньчжурские> суффиксальные формы мн. ч., свойственные, как сказано, в ма<ньчжурском> языке только именам лиц, представляются нерегулярными и малоупотребительными. Они близки в этом отношении к одному из зарубежных говоров правобережных амурских нанайцев, в котором суффиксальных форм мн. ч. существительных обнаружить не удалось вообще» [там же: 119]. Как видно, это явление характерно и для некоторых говоров нанайского языка. То же самое можно обнаружить и в кур-урмийском диалекте нанайского языка⁹: «Грамматическая категория числа имен существительных в кур-урмийском диалекте имеет несколько расплывчатый, нерегулярный характер. <...> Формы множественного числа встречаются сравнительно редко. Чаще всего они образуются для существительных, обозначающих лиц, людей» [Суник 1958: 63].

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в удэгейском языке, в котором специальные показатели множественности употребляются только для существительных, обозначающих лиц, и то нерегулярно: «Ни суффикс *-žiga* < *

⁹ Ведутся споры о том, действительно ли данное наречие является диалектом нанайского языка. Так или иначе, можно однозначно утверждать, что этот идиом относится к тунгусо-маньчжурской группе, равно как и практически все другие языки, рассматриваемые в этом Разделе 2.3.

-*ǰу-к̄ан* (собирательность <...>), ни тем более еще не суффиксированное (послеложного типа) обобщающее слово *эту* 'все', 'совместно' даже в пределах только подкласса существительных, обозначающих лиц, не выступают сколько-нибудь регулярно в качестве показателей мн. ч. Существительные из подкласса не-лиц никаких суффиксальных показателей мн. ч. в уд<эгейском> языке (как и в ма<ньчжурском>) в отличие от других тунгусских языков не имеют» [Суник 1982: 124].

Таким образом, можно предположить, что в нанайском языке показатель множественного числа изначально употреблялся только с терминами родства, а потом его сочетаемость распространилась на все исчисляемые существительные, хотя употребление не стало обязательным, по крайней мере, нельзя сказать, что выбор формы множественного числа зависит только от двух факторов: множественность vs. единичность, лицо vs. не-лицо.

Поскольку в тюркских языках категория числа, по мнению некоторых ученых, может зависеть от категории определенности, можно предположить, что в нанайском языке, который также относится к алтайской языковой семье, наблюдается похожая картина: показатель множественного числа появляется только на определенных именных группах. Если учесть также влияние иерархии одушевленности, функционирование категории числа в нанайском языке можно предположительно изобразить следующим образом:

	единственное число	множественное число	
		лицо	не-лицо
определенность	∅	<i>-sal/-səl</i>	∅
неопределенность	∅	∅	∅

Табл. 1. Предположительное употребление показателя множественного числа *-sal/-səl*

И действительно, в примере (32) слово *naj* 'человек' употребляется в неопределенном контексте и не маркируется суффиксом множественного числа. То же самое можно утверждать и для примеров (33–35):

(33) *Naj balana buə nuchi-du-pu-wə*

Человек давно 1PL маленький-DAT-P.1PL-OBL

təluŋgu-xə-n'i Nəwə umburi xurəm-bə=də...

рассказывать-PC.PST-P.3SG Нэвэн сказать гора-OBL=COP

‘Раньше, когда мы были маленькие, люди в преданиях называли (эту) гору Нэвэн...’

(34) *Təi ajŋan'a-wa səpə-n'i kətu=də əlgin=də*

Тот год-OBL соболь-P.3SG очень=COP обильный=COP

bi-ə-chi.

быть-NEG-PC.PST

‘В тот год соболя не очень много было’.

(35) *Mi žoan tojŋga sə-duj-i naj-wa*

1SG десять пять возраст-DAT-P.REFL.SG человек-OBL

daxa-chi-mi boatoa-chi-mi

следовать-IPFV-CV.SIM.SG охотиться.на.соболя-IPFV-CV.SIM.SG

pulsi-lu-xəm-bi.

ходить-INCH2-PC.PST-P.1SG

‘Когда мне было 15 лет, я начал ходить на охоту, следуя за людьми’.

Однако на это правило можно найти немало контрпримеров. Так, в одном и том же устном тексте встречаются предложения (34) и (36), причем они отделены друг от друга всего лишь пятью предложениями:

(36) *Təi ajŋan'a-wa səpə-səl kətu=də əlgin=də*

Тот год-OBL соболь-PL очень=COP обильный=COP

əchiə bi-rə.

NEG.COP быть-PC.NEG

‘В тот год соболя было не очень много’.

Как видно, эти предложения имеют одно и то же значение, что также подтверждается и контекстом:

«...Когда мне было 15 лет, я начал ходить на охоту, следуя за людьми {35}. С отцом я не ходил и знать его, как следует, не знал. Он умер, когда мне было 5 лет. После этого я, бедствуя, с матерью рос. Семнадцати лет я в одиночку стал таскать нарту, охотясь вместе с людьми {37}. Ну, как росли, как родились, зная это, я буду рассказывать о своей жизни. Однажды мы пошли на охоту искать соболя. Шли до Имана до местности по названию Акали. Оттуда было близко подниматься на хребты. Оттуда было нужно идти, таща нарту до Хабаровска. От Хабаровска по железной дороге на поезде нужно было ехать до Имана. В то время у меня было две собаки. Передовая собака по имени Соликан (Лисичка). Еще ее товарищ Куртэ (Серая). Наша группа состояла всего из семи человек. Старшим у нас был Гейкер Чоко. Чоко старый, хороший человек был, больше, чем кто-либо, был мергеном. Мы в ту зиму приехали в Акали. В тот год соболя было не очень много {36}. Поэтому мы немного убили. Оттуда мы пошли охотиться к местности по названию Наутэхэ. Еще мы охотились в местности Паочиго. Это все названия рек. Имена наших семи человек: я — Хэлэ, Чака, Сапачи, Билды Ингуэну, Одзел Гаода, Онинка Чисумбу, Диктунэ. В тот год соболя не очень много было {34} <...> Раньше люди так говорили {32}: если собака долго лает, очутившись на этой горе Нэвэн, то собака тут же околеет. Я для пробы, став под этой горой, потихоньку сказал. Сразу же раздался звук, все равно как луговое эхо. Люди, наши старики, про это место так говорили {38}: оно с нэвэнами, с богом, с хозяевами места...»

И в (34), и в (36) предложениях именная группа (*səpən'i/səpəsəl* 'соболь') имеет один и тот же референциальный статус: в обоих случаях она неопределенная. Однако в предложении (34) нет показателя множественного числа на именной группе, а в предложении (36) соответствующая именная группа маркирована. Эти два предложения различаются сферой действия отрицания, но по всей видимости, это никак не влияет на категорию детерминации. Кроме того, в примере (34) слово 'соболь' *səpə-* содержит лично-

притяжательный показатель 3 лица. Можно было бы предположить, что наличие притяжательного показателя говорит о большей определенности именной группы в данном контексте. Однако в таком случае тем более странно отсутствие показателя множественного числа, который, предположительно, тяготеет к определенности.

Можно сравнить и пару предложений (35) и (37) из того же текста, которые разделены тремя предложениями в тексте и в которых *naj* ‘люди’, по всей видимости, имеют одинаковый референциальный статус. При этом в примере (35) множественность никак не выражена, а в примере (37) множественность маркирована:

(37) *žoa nadasə-du-j=mət* *əmuchə=kə toke-wa*
 10 семьвозраст-DAT-P.REFL.SG=после одиноко=же нарта-OBL
irchi-mi pulsi-lu-xəm-bi,
 тащить-CV.SIM.SG ходить-INCH2-PC.PST-P.1SG
naj-sal-žǐ gəsə boato-chi-mi.
 человек-PL-INS вместе охотиться.на.соболя-IPFV-CV.SIM.SG

‘Семнадцати лет я в одиночку стал таскать нарту, охотясь вместе с людьми’.

Кроме того, в одном тексте можно обнаружить предложения (32) и (38):

(38) *Naj-sal, sagžǐ-l-pu, əj boa-wa tuj undi*
 Человек-PL старый-PL-P.1PL этот природа-OBL так говорить
bi-chi: Nəwəŋ-ku, əndur-ku, əžǐŋ-ku.
 быть-PC.PST Нэвэн-POSS бог-POSS хозяин-POSS

‘Люди, наши старики, про это место так говорили: оно с нэвэнами, с богом, с хозяевами места’.

В предложении (38) именная группа, обозначающая ‘людей’, маркируется показателем множественного числа, в отличие от примера (32), в котором аналогичная именная группа употребляется в таком же контексте. Можно допустить, что в предложении (32) рассказчик сначала имеет в виду

неопределенных людей (на русском языке аналогичное предложение было бы неопределенно-личным: *Раньше рассказывали...*), а потом он уточняет, что речь идет о 'наших стариках'. В этот момент подлежащая именная группа становится *определенной*. В таком случае, когда рассказчик произносит предложение (38), внешне похожее на (32), он уже имеет в виду *определенных* людей, поэтому употребляет слово *naj* 'человек' с показателем множественного числа. Возможно, это так и есть, но узнать, каковы в действительности были прагматические намерения говорящего в момент произнесения фразы, к сожалению, не представляется возможным.

По примерам (32) и (38) также можно было бы предположить, что на выбор формы именной группы может влиять фактор первого vs. последующего упоминания: при первом упоминании именная группа имеет нулевой показатель, при последующих упоминаниях — маркируется показателем множественного числа. Однако предложения (34) vs. (36) и ряд других примеров, в которых при первом упоминании уже употребляется показатель *-sal/-səl*, опровергают эту гипотезу.

Таким образом, рассмотренные в этом Разделе факты грамматики нанайского языка позволяют утверждать по крайней мере то, что система грамматической категории числа в нанайском языке, предполагаемая в Таблице 1 (см. стр. 25), не соответствует действительности. На мой взгляд, можно предположить две интерпретации явлений, которые имеют место в нанайском языке. С одной стороны, можно предположить, что в нанайском языке наблюдается очень сложно организованная грамматическая категория числа, на которую влияет категория детерминации и ряд других факторов, которые на данный момент практически невозможно выявить из-за отсутствия достаточного корпуса устных текстов. С другой стороны, — и эта интерпретация мне кажется более вероятной, — на основании того, что рассмотренные явления не выстраиваются в какую бы то ни было систему, можно постулировать, что в нанайском языке отсутствует словоизменительная категория числа или же система, содержащая категорию числа,

пересекающуюся с другими категориями. Для выражения множественного числа существуют специальные суффиксы, которые так же факультативны в своем употреблении, как и, например, словообразовательные суффиксы уменьшительности в русском языке. Кроме того, стоит отметить, что с терминами родства показатели множественности употребляются практически всегда, когда в ситуации задействовано несколько участников. Возможно, в нанайском языке могла бы образоваться грамматическая категория числа, на которую оказывала бы воздействие иерархия одушевленности. Тогда термины родства или, если брать шире, все слова, обозначающие лиц, всегда маркировались бы показателем множественного числа в том случае, если бы речь шла о множественном участнике. Остальные именные группы не маркировались бы показателем множественного числа. Однако, по всей видимости, под влиянием русского языка сочетание суффикса множественного числа с неодушевленными существительными, а также с существительными, обозначающими животных, стало допустимым, но не систематичным, что говорит о *регулярности* рассматриваемых показателей. Возможно, под влиянием русского в нанайском языке могла бы развиться словоизменяемая категория числа, аналогичная категории числа в русском языке. Но на данный момент следует признать, что рассмотренные показатели нельзя относить к области словоизменения.

2.4. Согласование и факультативность числа

В нанайском языке помимо рассмотренных показателей есть также согласовательные маркеры, которые могут отражать множественность участников. Поскольку большая часть предикатов выражена с помощью причастий, то и согласовательными маркерами являются в первую очередь лично-притяжательные и возвратно-притяжательные суффиксы, которые также могут присоединяться к обычным именным группам. На самом деле, подлежащее с предикатом-причастием представляет собой по своей структуре

такую же именную группу. В Таблице 2 представлена система притяжательных аффиксов, действительная как для именных групп, так и для причастий:

	SG	PL
1 лицо	<i>(mi) XP-i</i>	<i>(buə) XP-pu</i>
2 лицо	<i>(si) XP-si</i>	<i>(suə) XP-su</i>
3 лицо	<i>(n'oan'i/YP) XP-n'i</i>	<i>(n'oachi/YP) XP-chi</i>
REFL	<i>(pron/YP) XP-i</i>	<i>(pron/YP) XP-wari</i>

Табл. 2. Система притяжательных показателей

XP — любое причастие или любая именная группа.

YP — любая именная группа – то, к чему относится вершина (XP).

Возвратно-притяжательные показатели могут относиться к любому личному местоимению (pron) и любой именной группе (YP). Во всех случаях личное местоимение или именная группа YP могут быть опущены.

Ряд деепричастий, которые подразумевают кореферентность подлежащих, имеют в своих показателях остатки возвратно-притяжательных показателей. Таким образом, выбор того или иного показателя зависит от числа субъекта. Это характерно для одновременного (39–40) и условного (41–42) деепричастий:

(39) *xola-mi*

читать-CV.SIM.SG

‘пока я/ты/он читал’¹⁰

(40) *xola-mari*

читать-CV.SIM.PL

‘пока мы/вы/они читали’

(41) *xola-pi*

читать-CV.CONC.SG

‘после того, как я/ты/он прочитал’

¹⁰ В примерах 39–42 перечислены не все возможные варианты перевода. Так, эти деепричастия могут использоваться для обозначения действий в настоящем и в будущем времени.

(42) *xola-pari*

читать-CV.CONC.PL

‘после того, как мы/вы/они прочитали’

В рамках малой клаузы, которую возглавляет какое-либо из представленных деепричастий, подлежащее не может быть выражено. Поэтому под согласованием в данном случае понимается соотнесение формы деепричастия с подлежащим в главной клаузе.

Данный Раздел посвящен рассмотрению двух вопросов, связанных с согласованием по числу: 1) опущению личного местоимения при согласовании с предикатом / именной группой и 2) связи согласовательных маркеров с факультативным маркированием множественности, описанным в Разделе 2.3.

В этой главе я буду следовать общепринятому определению согласования, данному в [Steele 1978: 610] (цит. по [Corbett 2006: 4]): «Термин *согласование*, как правило, относится к систематическому изменению формального свойства одного элемента в соответствии с семантическим и формальным свойством другого элемента»¹¹.

Как было сказано выше, при согласовании с именной группой или предикатом личное местоимение может опускаться:

(43) *Ət moda əpə-xə-ru*

Один раз идти-PC.PST-P.1PL

boato-nda-mari, səpə-wə

охотиться.на.соболя-PURP-CV.SIM.PL соболь-OBL

gələ-də-məri.

искать-PURP-CV.SIM.PL

‘Однажды мы пошли на охоту искать соболя’.

(44) *Sag žem žə-ru Gəjkər Choka bi-chi-n’i.*

Старший-P.1PL Гейкер Чоко быть-PC.PST-P.3SG

‘Наш старший был Гейкер Чоко’.

¹¹ “The term *agreement* commonly refers to some systematic covariance between a semantic or formal property of one element and a formal property of another” [Steele 1978: 610].

В примерах (43–44) отсутствует подлежащее *biə* ‘мы’. В случае с местоимениями 1 и 2 лица это явление довольно естественное, так как подлежащего участника можно легко восстановить по лично-притяжательному показателю на предикате или именной группе. Местоимения 3 лица, равно как и именные группы, опускаются гораздо реже. Это объясняется тем, что лично-притяжательный показатель 3 лица может относиться к разным участникам, поэтому наличие именных групп позволяет снять эту неоднозначность. Однако примеры с опущенным местоимением 3 лица иногда встречаются:

(45) *Təi nekan-žǐ tuj xao-la-mi, ažǐ=asi*
 Тот китаец-INS так гулять-PRF-CV.SIM.SG муж=жена
o-chi-chi.
 становится-PC.PST-P.3PL

‘С тем китайцем шумно погуляли, чтобы знали все люди, и стали мужем и женой’.

В примере (45) подлежащее отсутствует, но его можно легко восстановить: первой частью подлежащего является главная героиня повествования (она же является подлежащим в ряде предыдущих предложений), а вторая часть подлежащего выражена с помощью комитатива — *təj nekanžǐ* ‘с тем китайцем’. Можно утверждать, что подлежащее выражено частично в первой части предложения.

Опускание личных местоимений нерегулярно, его нельзя объяснить строгими правилами. Так, можно было бы предположить, что появление местоимения может быть связано с первым упоминанием конкретной именной группы или же с первым появлением участника в подлежащей позиции. Однако материал текстов показывает, что между опущением личного местоимения и первым упоминанием именной группы нет никакой корреляции. Кроме того, не наблюдается никакой регулярности: нельзя утверждать, что местоимения употребляются с определенной периодичностью в зависимости от

глубины предложения или же от числа упоминаний данной именной группы. Возможно, опущение / наличие личных местоимений зависит от желания говорящего подчеркнуть роль главного участника или от других прагматических параметров.

Особый интерес представляет соотношение согласовательных маркеров единственного / множественного числа с наличием показателя множественного числа на согласуемой именной группе (т.н. контролере). Естественную ситуацию, привычную для носителей русского языка, можно описать следующим образом: при наличии на именной группе грамматического показателя множественного числа на предикате используется также показатель множественного числа. При этом необходимо учесть, что в большинстве случаев согласование происходит по грамматическим категориям, которым характерна обязательность. Так, в русском языке возможно согласование по словоизменительным категориям (число, падеж) и по словоклассифицирующей категории рода, которая так же, как и категории числа и падежа, является обязательной практически для всех существительных. В этих категориях нулевой показатель грамматикализован и несет определенное значение, отличное от значения материально выраженных показателей. Ввиду обязательности рассматриваемых категорий согласование с предикатом или с рядом определений тоже является обязательным.

В нанайском языке наблюдается несколько более сложная ситуация. Как удалось выяснить раньше, в Разделе 2.3, выражение значения числа не обладает обязательностью и поэтому не представляет собой словоизменительную (или же словоклассифицирующую) категорию. В нанайском языке нулевой показатель не грамматикализован и имеет значение общего числа, а не единственного. В таком случае возникает вопрос, когда появляется согласовательный маркер множественного числа: только ли при наличии суффикса множественного числа на именной группе или же и в тех случаях, когда речь идет о нескольких участниках, однако эксплицитно эта множественность в рамках одной клаузы никак не выражена? С одной стороны,

в нанайском языке можно наблюдать каноническое согласование, при котором согласовательный маркер множественного числа появляется при наличии показателя множественного числа на подлежащей именной группе:

- (46) *Chaoxa-du naj-sal əgʒi naj-wa*
 война-DAT человек-PL много человек-OBL
waa-re-chi.
 убивать-PC.NPST-P.3PL
 ‘На войне люди много убивают’.

Из этого естественным образом следует то, что при отсутствии показателя множественности на именной группе предикат содержит показатель единственного числа, даже если в ситуации задействовано множество участников (см. 33).

С другой стороны, согласовательный маркер множественного числа на предикате может отсутствовать даже при множественном участнике. Чаще всего это происходит при опущении подлежащего в рассматриваемой клаузе. Однако имеются и такие примеры, в которых есть подлежащее с показателем множественного числа, но деепричастия и/или причастия в том же предложении имеют форму единственного числа. Так, в примере (47) в деепричастии ‘искать’ и в причастии ‘ходить’ можно обнаружить рефлексивный показатель единственного числа:

- (47) *Kəsiə gələ-pi, sagʒe-l-pu tolki-chi*
 Удача искать-CV.CONC.SG старый-PL-P.1PL видеть.сон-IPFV
bi-chi xone=da pulsi-giləi-j-i.
 быть-PC.PST как=COP ходить-DEB-PC.NPST-P.REFL.SG
 ‘Помолившись, наши старики видели во сне, как нужно идти’.

Возможно, такое несоответствие по числу формы подлежащего и предиката связано с тем, что согласовательные маркеры обладают своего рода факультативностью. Речь идет в первую очередь об употреблении показателя множественного числа, который не всегда появляется там, где этого требуют

грамматические правила. Иногда вместо него может употребляться показатель единственного числа (как в примере 47). Кроме того, стоит отметить, что в нанайском языке существуют краткие формы причастий, которые не содержат лично-притяжательных показателей (см. *bi-chi* ‘быть’ в примере (47) и пример (48)):

(48) *Təi ərin-du mi endaj-i žuər bi-chi.*

Тот время-DAT 1SG собака-P.1SG два быть-PC.PST

‘В то время у меня было две собаки’.

Рассмотренные явления показывают, что система согласования в нанайском языке регулярна, но необязательна. Встает вопрос о том, можно ли говорить о согласовании в привычном нам понимании, которое дано на стр. 32? Возможность рассогласованных предложений типа (47), а также наличие кратких форм предиката позволяет утверждать, что в нанайском языке согласование не представляет собой строгую систему. В этом случае, на мой взгляд, следует считать, что формальные свойства предиката отражают его же семантические свойства, а формальные свойства имени (подлежащего) отражают семантические свойства той же именной группы. Поскольку именная группа и предикат в рамках одного предложения описывают одну и ту же ситуацию (то есть имеют одно и то же значение в области множественности), то и формальное выражение чаще всего у них совпадает: и на предикате, и на именной группе есть соответствующий показатель числа. Как было сказано выше, показатели множественного числа оказываются факультативными и их употребление несистематично. Поэтому при описании ситуации с множеством участников возможно употребление нулевого показателя общего числа / лично-притяжательного показателя единственного числа на именной группе или на предикате соответственно, причем употребление этих показателей не всегда коррелирует (см. 47).

С другой стороны, **регулярное** употребление лично-притяжательного показателя единственного числа при нулевом показателе общего числа

позволяет утверждать, что в большинстве случаев (но не во всех!) мы имеем дело с каноническим согласованием, при котором трудно определить, является ли показатель числа на предикате всего лишь формальным отражением свойств имени или же он сам несет в себе семантические свойства ситуации. На мой взгляд, следует говорить о том, что на данный момент формирование системы согласования происходит параллельно с формированием грамматической словоизменительной категории числа. Эти два процесса происходят под сильным влиянием русского языка и, естественно, сильно связаны друг с другом. Поскольку, по всей видимости, в нанайском языке категория числа не развита, то и система согласования в общепринятом понимании могла развиваться только с появлением категории числа, что не исключает возможности употребления лично-притяжательных показателей единственного vs. множественного числа на предикате независимо от наличия в языке грамматической категории числа в именных частях речи. Таким образом, для современного состояния нанайского языка можно постулировать наличие регулярных, но необязательных способов выражения множественности в именных группах и на предикате. Поскольку согласование проявляется регулярно (хотя и не всегда), сложно определить, обладают ли согласовательные маркеры собственными семантическими свойствами или же являются всего лишь формальным отражением семантических свойств имени. Примеров, подтверждающих вторую точку зрения (см. 47), встречается совсем немного, что лишний раз доказывает то, что система согласования в нанайском языке почти сформирована и характеризуется регулярностью, хотя и не обладает строгими правилами употребления.

2.5. Соединение именных групп. Комитативные конструкции

Помимо специальных суффиксов множественности, множественный участник может быть выражен с помощью сочетания двух и более именных групп, обозначающих единичных участников. В нанайском языке для выражения значения совместности может употребляться показатель

инструменталиса -*ǰi*. Можно выделить три типа конструкций, выражающих это значение¹²:

Конструкция А (собственно комитативная конструкция):

(49) *Mi Wasa-ǰi tojka-mache-xam-bi.*

1SG Вася-INS бить-RECP-PC.PST-P.1SG

‘Я с Васей подрался’

Конструкция В (сочинительная комитативная конструкция):

(50) *Masha Ira-ǰi xiri-u-ri-wə*

Маша Ира-INS играть-IMPERS-PC.NPST-OBL

uləsi-chi.

любить-P.3PL

‘Маша с Ирой любят играть’.

Конструкция С:

(51) *Min-ǰi Wasa-ǰi tojka-mache-xam-bu.*

1SG-INS Вася-INS бить-RECP-PC.PST-P.1PL

‘Мы с Васей подрались’.

В примере (49) представлена конструкция А, в которой вторая именная группа — или периферийная именная группа (ПИГ) — маркируется инструменталисом, а предикат согласуется только с первой именной группой. При этом две именные группы не являются единой составляющей, в отличие от именных групп в конструкциях В и С. Вторая именная группа зависит от глагола. Схематично отношения между частями этой конструкции можно изобразить так:

[X [Y-INS PC-P.1/2/3SG]],

где X — первая именная группа (центральная именная группа: ЦИГ), Y — вторая именная группа (ПИГ), а PC — предикат, который обычно выражен с помощью причастия.

¹² Подробнее о комитативных конструкциях в нанайском языке см. [Оскольская 2008а].

Возможно, разная синтаксическая роль двух именных групп свидетельствует и об их разной семантической роли. И в таком случае мы имеем дело с ситуацией, отличной от ситуации с множеством участников, если следовать определению, данному на стр. 3. Однако несомненно можно выделить группу примеров, в которых несмотря на разную синтаксическую роль, участник, выраженный с помощью второй именной группы, очевидно, играет такую же семантическую роль в ситуации, что и первый участник (ср. 49 и 51).

Конструкция В (пример 50) представляет собой сочетание двух именных групп (вторая именная группа маркирована инструменталисом), которые являются одной составляющей. Эта составляющая согласуется во множественном числе с предикатом:

[[X Y-INS] PC-P.1/2/3PL]

В конструкции С обе именные группы имеют показатель инструменталиса, представляют собой единую составляющую, которая согласуется с предикатом во множественном числе:

[[X-INS Y-INS] PC-P.1/2/3PL]

Любая комитативная конструкция обладает рядом свойств, которые являются проявлением одной из стратегий соединения именных групп (СИГ), то есть «выражения множественности участников с помощью двух отдельных ИГ» [Архипов 2004: 17]. Л. Стассен в [Stassen 2000] выделяет две стратегии СИГ: сочинительную и комитативную.

	Сочинительная стратегия	Комитативная стратегия
Основные свойства	<ul style="list-style-type: none"> • две ИГ с одинаковым структурным рангом • обе ИГ выполняют одинаковую синтаксическую функцию • обе ИГ имеют одинаковую семантическую роль 	<ul style="list-style-type: none"> • две ИГ с различным структурным рангом • центральная ИГ имеет структурный ранг выше (не ниже), чем периферийная ИГ • обе ИГ имеют одинаковую семантическую роль

Табл. 3. Основные свойства сочинительной и комитативной стратегий соединения ИГ. Таблица приводится по [Архипов 2004: 18]

Комитативной конструкцией (КК) называется конструкция, реализующая комитативную стратегию, а сочинительной (СК) – сочинительную стратегию.

По приведенному определению нанайские конструкции А — С можно отнести к комитативным конструкциям. Собственно комитативная конструкция (А) реализует комитативную стратегию. Конструкция В (50) совмещает свойства комитативной и сочинительной стратегий и относится к сочинительным комитативным конструкциям. Ср. сочинительная комитативная конструкция В (50) и собственно комитативная конструкция А:

(52) *Masha Irə-ž'i xipi-u-ri-wə*

Маша Ира-INS играть-IMPERS-PC.NPST-OBL

uləsi-n'i.

любить-Р.3SG

‘Маша любит играть с Ирой’.

Как было отмечено выше, в конструкции С (51) две именные группы имеют одинаковый структурный ранг (маркированы показателем

инструменталиса) и контролируют согласование с предикатом. По этим признакам конструкцию С можно было бы считать собственно сочинительной. Однако необходимо учитывать, что в этой конструкции в именных группах употребляется тот же падежный показатель (показатель инструменталиса), что и в конструкциях А и В. Поэтому эту конструкцию логично относить к сочинительным **комитативным** конструкциям, по терминологии А.В. Архипова.

Конструкция В по своим свойствам больше похожа на собственно комитативную конструкцию (А), чем конструкция С. Поэтому конструкцию В назовем условно СКК1, а конструкцию С – СКК2.

По свидетельству А.В. Архипова [2005: 39], существуют многочисленные свидетельства в доказательство того, что комитативные конструкции в разных языках мира имеют тенденцию употребляться как сочинительные.

Это же отмечает и М. Митун [1988: 339]: «Зачастую источником сочинения именных групп является комитативная конструкция того же типа, что изначально используется, чтобы избежать сочиненных именных групп».

В нанайском языке сочинительная комитативная конструкция 1 (В) и сочинительная комитативная конструкция 2 (С) являются переходными этапами превращения комитативной конструкции в сочинительную.

Конструкция С (СКК2) характерна только для ситуаций, в которых задействовано два участника. Если речь идет о трех участниках, то все три именные группы будут в номинативе, а не в инструменталисе, то есть в таком случае употребляется конструкция D:

Конструкция D – сочинительная конструкция (СК)

(53) *Amtaka sinuliəktə dərə oja-la-n'i*

Яблоко груша стол поверхность-LOC-P.3SG

bi-chi-chi.

быть-PC.NPST-P.3PL

‘Яблоко с грушей лежат на столе’.

Кроме того, эта конструкция употребляется с неличными именами. Показатель инструменталиса может употребляться в комитативном значении в основном только с именами, обозначающими лиц. С неодушевленными существительными этот показатель в комитативном значении практически никогда не употребляется даже в подлежащей позиции:

- (54) * *Amtaka-žī sinuliaktā-žī dārā*
 * Яблоко-INS груша-INS стол
oja-la-n'i bi-chi-chi.
 поверхность-LOC-P.3SG быть-PC.NPST-P.3PL
 ‘Яблоко с грушей лежат на столе’.

Комитативные конструкции А–С употребляются в основном в тех случаях, когда центральная именная группа занимает позицию подлежащего в предложении. В остальных случаях обе именные группы чаще всего приобретают тот падежный показатель, который обусловлен их позицией в предложении:

- (55) *Mi duāntā-du Polokto-wa nāui-wā-n'i*
 1SG лес-DAT Полокто-OBL мл.брат-OBL-P.3SG
ic-xām-bi.
 видеть-PC.PST-P.1SG
 ‘В лесу я встретил Полокто с младшим братом’.

Однако маркирование одной из именных групп показателем инструменталиса в комитативном значении в неподлежащей позиции тоже допустимо, хотя и встречается довольно редко¹³:

- (56) *Mi ajkā-i sore-an-ke-n'i mi*
 1SG старшая.сестра-P.1SG ссориться-CAUS-PC.PST-P.3SG 1SG
žea-žē-e-wa.
 друг-INS-P.1SG-OBL
 ‘Моя сестра поссорила меня с другом’.

¹³ Эта возможность не учтена в [Оскольская 2008а] и [Оскольская 2008б].

(57) *Макто an'ea-chi olben-ke-n'i тәп*
 Макто праздник-DIR привести-PC.PST-P.3SG свой
ḡea-a-i Polokto-wa puril-ḡ-ә-n'i
 друг-OBL-P.REFL.SG Полокто-OBL дети-INS-OBL-P.3SG
gәsә.
 вместе

‘Макто привел на праздник своего друга Полокто со своей семьей’.

Основные характеристики нанайских конструкций А – D сведены в табл. 4:

	ЦИГ (+INS)	ПИГ (+INS)	две ИГ образуют единую составляющую	тип конструкции
Конструкция А	-	+	-	КК
Конструкция В	-	+	+	СКК1
Конструкция С	+	+	+	СКК2
Конструкция D	-	-	+	СК

Табл. 4. Основные характеристики нанайских комитативных и сочинительных конструкций

Особенности употребления нанайских комитативных конструкций, рассмотренные выше, могут быть представлены в следующей таблице:

		лицо	не-лицо (одуш., животные)	не-лицо (неодуш.)
Комитативные значения (партнер, спутник)	не-подлежащее	(A/B), D	D	D
	подлежащее	A, B, C	?B ¹⁴ , D	D

Табл. 5. Распределение употребления конструкций в зависимости от семантической роли участника и его одушевленности

¹⁴ Допустимо в некоторых диалектах.

Поскольку неподлежащий участник не может согласовываться с предикатом, то конструкцию, при которой инструменталисом маркируется только периферийная именная группа, можно считать как конструкцией А, так и конструкцией В. Для удобства такая конструкция обозначена как конструкция А/В.

Как видно из Таблицы 5, три подробно рассмотренные нанайские конструкции А–С регулярно употребляются в комитативном значении лишь в одном случае: если центральная именная группа занимает позицию подлежащего, а обе именные группы выражают значение лица.

Таким образом, множественность участников в нанайском языке может выражаться с помощью соединения именных групп. Именные группы могут маркироваться показателем инструменталиса, который в этом случае имеет комитативное значение. Можно выделить всего четыре стратегии соединения именных групп — конструкции А–D. Конструкция А представляет собой собственно комитативную конструкцию. Конструкции В и С являются сочинительными комитативными конструкциями и представляют собой переходные этапы грамматикализации комитативной конструкции в сочинительную. Конструкции А–С обычно употребляются в том случае, если у именных групп референты выражают лицо, а центральная именная группа занимает позицию подлежащего в предложении. В остальных случаях употребляется конструкция D, которая представляет собой соположение двух именных групп без специальных для этого показателей.

3. Глагольная множественность

В этой главе речь пойдет о глагольных показателях, которые предположительно могут выражать значение множественности участников. По грамматическим описаниям нанайского языка ([Аврорин 1961], [Петрова 1941], [Сем 1976], [Сем 1997], [Суник 1958]) можно обнаружить два таких суффикса: суффикс так называемого «вида многократности и многообъектности действия» *-kta/-ktə*, а также показатель реципрока *-mache/-machi*. Кроме того, будут

рассмотрены свойства специальных конструкций, которые используют нанайцы для выражения значения множества участников и их взаимодействия. Раздел 3.1 посвящен особенностям употребления показателя *-kta/-ktə*, а в Разделе 3.2 будут рассматриваться в основном реципрокальные конструкции.

3.1. «Вид многократности и многообъектности действия»

В.А. Аврорин [1961: 44–59] выделяет в нанайском языке категорию вида, которая насчитывает одиннадцать показателей и, соответственно, одиннадцать значений. По всей видимости, в нанайском языке действительно можно обнаружить зону имперфективности и перфективности, но нельзя утверждать, что имперфективному / перфективному значению соответствует один конкретный показатель. Таким образом, приведенные В.А. Аврориным видовые показатели являются всего лишь словообразовательными суффиксами, отражающими способ протекания действия. Подробнее о «видовых» показателях в нанайском см. Приложение 1.

Особый интерес для рассматриваемой темы представляет суффикс «вида многократности и многообъектности действия» *-kta/-ktə*. В.А. Аврорин описывает значение этого вида следующим образом: «К этому виду относятся глагольные основы, обозначающие действия, совершаемые многократно, направленные одновременно на несколько объектов, или совершаемые последовательно в разных местах»¹⁵ [Аврорин 1961: 48]. По этому описанию, суффикс *-kta/-ktə* может обозначать как множественность объектов, так и множественность ситуаций.

(58) *Ən'ia-n'i* *daŋsa-sal-ba* *puril-du-i*
 Мать-P.3SG книга-PL-OBL дети-DAT-P.REFL.SG
buu-ktə-xə-n'i.
 дать-PLR-PC.PST-P.3SG
 ‘Мать раздала детям книги’.

¹⁵ В.А. Аврорин [1961: 49] справедливо отмечает, что этот показатель родственен уже непродуктивному именному собирательному суффиксу *-kta/-ktə* (см. Раздел 2.1), и приводит для большей убедительности ряд примеров: *garmakta* ‘комары, комар’, *n'amokta* ‘слезы, слеза’, *sabdakta* ‘капли, капля’, *gakta* ‘клюква’ и др.

На первый взгляд, природа этого суффикса кажется странной и непонятной: в языке есть специальный суффикс, который маркирует множественность объектного участника, то есть в каком-то смысле является показателем согласования с прямым дополнением. Очевидно, что этот «согласовательный» маркер оказывается факультативным. Однако с типологической точки зрения, это явление не является столь необычным: в некоторых языках мира можно обнаружить специальный глагольный показатель, который выражает значение множественности участника, обычно пациентивного. Такой аффикс фиксируется в какабе < манде [Выдрина 2009], в языках коренных народов Северной Америки [Durie 1986] и во многих других языках. Поскольку этот показатель обычно маркирует множественность **пациентивного** участника, то употребляется он по эргативной схеме: при множественном подлежащем при непереходном глаголе и при множественном прямом дополнении при переходном глаголе. Опираясь на типологические данные, можно было бы предположить, что в нанайском языке наблюдается аналогичная ситуация. Однако это неверно, о чем свидетельствуют примеры типа (59), в которых при множественном подлежащем и непереходном глаголе рассматриваемый показатель недопустим:

- (59) *Nuchi-kən-žuan* *duərə-chi-i-chi*
 Маленький-DIM-COLL шагать-IPFV-PC.NPST-P.3PL
 / * *duərə-ktə-chi-i-chi*.
 / * шагать-PLR-IPFV-PC.NPST-P.3PL
 {Смотри:} ‘Дети шагают’.

Кроме того, можно обнаружить ряд примеров, в которых употребление суффикса *-kta/-ktə* недопустимо, несмотря на множественный объект. Эти примеры характеризуются единичностью события:

(60) *Ən'iə amtaka-wa xusə piktə-du-i*
 Мать яблоко-OBL муж ребенок-DAT-P.REFL.SG
biu-xə-n'i / * *bu-ktə-xə-n'i*.
 дать-PC.PST-P.3SG / * дать-PLR-PC.PST-P.3SG
 ‘Мама дала яблоки сыну’.

В примере (60) совершается только одно действие: субъект отдает некоторый объект. По всей видимости, для этого показателя важна именно множественность событий, а не участников. Поэтому несмотря на то, что в рассматриваемом предложении подразумевается множественный объект¹⁶, суффикс *-kta/-ktə* запрещается носителями из-за единичности события.

В пользу этого утверждения говорят примеры, в которых совершается несколько действий при единичном объекте или при его отсутствии:

(61) *Tapcheomžə-sal xusə piktə-du-i amtaka-wa*
 Учитель-PL муж ребенок-DAT-P.REFL.SG яблоко-OBL
bu-ktə-xə-chi.
 дать-PLR-PC.PST-P.3PL
 {За каждый правильный ответ} ‘учителя ученику давали яблоко’.

В примере (61) речь идет в первую очередь о множественности событий — о том, что учителя несколько раз давали по одному яблоку. Однако из множественности событий следует и множественность объекта: скорее всего, учителя давали не одно и то же яблоко, а разные, а это значит, что в итоге в ситуации задействовано несколько яблок, что и могло, предположительно, повлиять на употребление суффикса *-kta/-ktə*.

Тем не менее, употребление суффикса *-kta/-ktə* возможно и при отсутствии объекта:

¹⁶ В стимуле речь идет о *яблоках*, значит, при переводе подразумевается множественное число *яблок*, хотя на существительном и отсутствует показатель множественного числа.

(62) *Tacheomžē-sal mən boa-do-ari*
 Учитель-PL свой место-DAT-P.REFL.PL
ənu-ktə-xə-chi.
 уйти-PLR-PC.PST-P.3PL

‘Учителя разъехались по разным селам (букв. по своим местам)’.

В примере (62) множественность событий следует из множества субъекта: каждый из учителей совершил одно и то же действие — уехал в свое село. Можно было бы предположить, что из-за отсутствия прямого дополнения на употребление суффикса *-kta/-ktə* влияет множественность второго актанта — места (множественность субъекта влиять не может, как показывает пример 59).

Однако пример (63) иллюстрирует тот факт, что рассматриваемый показатель может употребляться и при непереходных глаголах при отсутствии второго множественного участника, если действие совершается несколько раз:

(63) *In’i taon-do-a-n’i tacheoche-mi xijun*
 День каждый-DAT-OBL-P.3SG учиться-CV.SIM.SG девять
chasa-la dəru-ktə-j-n’i.
 час-LOC начинаться-PLR-PC.NPST-P.3SG

‘Учеба каждый день начинается в девять часов’.

Для большей убедительности можно привести минимальную пару к примеру (59):

(64) *In’i taon-do-a-n’i nuchi-kən-žūən*
 День каждый-DAT-OBL-P.3SG маленький-DIM-COLL
duərə-ktə-j-chi.
 шагать-PLR-PC.NPST-P.3PL

‘Дети каждый день шагают’.

В этом предложении действие является уже не актуально-длительным, как в (59), а повторяющимся «каждый день», что делает возможным употребление показателя *-kta/-ktə*.

Таким образом, суффикс *-kta/-ktə* маркирует множественность **событий** и отражает мультипликативное или хабитуальное значение глагольной формы. Множественность субъекта, объекта и других участников, которая часто сопровождает предикат с данным показателем, является лишь следствием значения множественности событий, рассматриваемый показатель напрямую никак не связан со значением множественности участников.

В связи с этим интересно отметить, что глагол 'смеяться' в нанайском языке воспринимается как мультипликативный:

(65) *Polokto inəmusi-xə-n'i.*

Полокто улыбаться-PC.PST-P.3SG

‘Полокто усмехнулся’.

(66) *Polokto inəktə-j-n'i* *inətu žaka-ži.*

Полокто смеяться-PC.NPST-P.3SG смешной вещь-INS

‘Полокто смеется над шуткой’.

В примере (66) употребляется основа *inəktə-* с историческим суффиксом *-ktə* для значения 'смеяться', а в примере (65) для значения 'усмехнуться', 'улыбнуться' используется аналогичная основа, но без рассматриваемого показателя *inəmusi-* (исторический суффикс *-musi*, по всей видимости, надо возводить к показателю так называемой породы потребности (см. Приложение 1).

3.2. Ситуации с множеством участников

Реципрокальные конструкции относятся к области глагольной множественности и предполагают не только множественность участников, но и определенные отношения между ними. Поэтому необходимо выделить основные типы отношений между участниками, которые могут быть выражены специальными грамматическими средствами. Хорошая классификация типов ситуаций с множеством участников представлена в статье Ф. Лихтенберка «Различные употребления реципрокальных конструкций» [Lichtenberk 1985]. В

этой статье Ф. Лихтенберг рассматривает в первую очередь те типы ситуаций, которые могут быть выражены с помощью показателя реципрока.

По определению Ф. Лихтенберга [Lichtenberk 1985: 21], прототипическая реципрокальная ситуация представляет собой ситуацию, в которой задействованы два участника, А и В, и отношение А к В точно такое же, как и отношение В к А. Реципрокальную ситуацию, как и любой другой тип ситуации, автор представляет в виде схемы, на которой R — отношение между определенными участникам, А и В — сами участники:

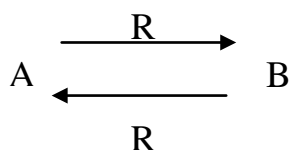

Рис. 2. Схема реципрокальной ситуации

Как видно на схеме, участники А и В обладают одинаковым набором семантических ролей, что позволяет описывать реципрокальную ситуацию как ситуацию с множеством участников. Эта ситуация проиллюстрирована нанайским примером (67), в котором есть два участника — Макто и Полокто. Оба участника являются как Агенсом, так и Пациенсом, поскольку данная ситуация состоит из двух событий, отраженных в калмыцких примерах (68) и (69). В примере (67) используется показатель *-mache/-machi*.

(67) *Makto-ži Polokto-ži tojka-mache-xa-chi.*

Макто-INS Полокто-INS бить-РЕСР-РС.РST-Р.3PL
 ‘Макто и Полокто подрались’.

(68) *Makto Polokto-wa tojkan-ke-n’i.*

Макто Полокто-OBL бить-РС.РST-Р.3SG
 ‘Макто побил Полокто’.

(69) *Polokto Makto-wa tojkan-ke-n’i.*

Полокто Макто-OBL бить-РС.РST-Р.3SG
 ‘Полокто побил Макто’.

Реципрокальная ситуация может быть выражена с помощью реципрокальной конструкции. Под реципрокальной конструкцией

Ф. Лихтенберг [Lichtenberk 1985: 19] (а вслед за ним и В. П. Недялков [Nedjalkov 2007: 8]) понимает такую конструкцию, которая содержит какой-либо показатель реципрока, т. е. специальное языковое средство, используемое для выражения значения реципрокальной ситуации. Однако реципрокальная ситуация может быть выражена не только с помощью реципрокальной конструкции, но и, например, с помощью глагольной лексемы, которая, естественно, реципрокальным показателем не является:

(70) *John and Mary exchanged gifts.*

В то же время реципрокальная конструкция не обязательно должна иметь значение реципрокальной ситуации, она может описывать такие ситуации, как социативная и ситуация следования.

В социативной ситуации (*collective* у Ф. Лихтенберга [Lichtenberk 1985: 28] и *sociative* у В. П. Недялкова [Nedjalkov 2007: 33]) два или более участников вместе задействованы в одной ситуации в одинаковой роли, участники совершают одно действие совместно. Эта ситуация также является ситуацией с множеством участников.

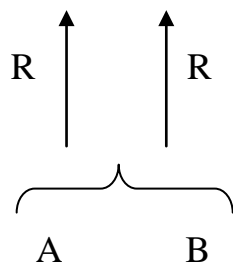

Рис. 3. Схема социативной ситуации

Так, в калмыцком языке показатель реципрока может использоваться и в конструкции, описывающей социативную ситуацию:

(71) *Badma Bajrta-ta duul-ld-na.*

Бадма Байрта-ASSOC петь-RECP-PRS

‘Бадма с Байртой поют’.

В ситуации следования (‘chaining’ situation), в отличие от прототипической реципрокальной ситуации, отношение участника А к В не такое же, как

отношение В к А (если А следует за В, это совсем не значит, что В следует за А). В этом случае вернее говорить о том, что отношение участника А к В такое же, как отношение участника В к С (А следует за В, и В следует за С):

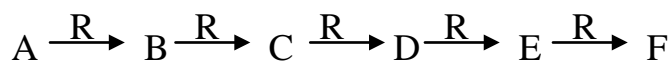

Рис. 4. Схема ситуации следования

(72) *Солдаты следовали друг за другом.*¹⁷

Стоит обратить внимание на то, что в этом случае не все участники обладают одинаковой семантической ролью: два крайних участника вовлечены только в одно действие по отношению к другому участнику (R), в то время как все остальные участники вовлечены в два действия — они сами следуют за другими участниками, кроме того, за ними следуют другие участники (например, В следует за С, а за В следует А). Тем не менее, предикат описывает действие всех участников, в том числе и крайних. Таким образом, данную ситуацию уже сложнее отнести к нашему определению ситуации с множеством участников, данному на стр. 3, — для этого необходимо оговаривать ряд деталей.

В нанайском языке для описания реципрокальной ситуации может использоваться глагольный показатель *-mache/-machi*, как в примере (67). Этот показатель обычно присоединяется к основам переходных глаголов и меняет аргументную структуру глагола, делая его непереходным. Смена аргументной структуры хорошо иллюстрируется примерами (73–74), в которых местоимение ‘друг друга’ занимает разную синтаксическую позицию в зависимости от наличия суффикса реципрока:

¹⁷ «The soldiers followed one another» [Lichtenberk 1985: 24].

(73) *Polokto-žī Makto-žī* * (*žea žea-wa-ri*)

Полокто-INS Макто-INS друг друг-OBL-P.REFL.PL

tojkan-ke-chi.

бить-PC.PST-P.3PL

‘Полокто и Макто подрались (букв. Полокто и Макто побили друг друга)’.

(74) *Polokto-žī Makto-žī* (*žea žea-žea-a-ri*)

Полокто-INS Макто-INS (друг друг-INS-OBL-P.REFL.PL)

tojka-mache-xa-chi.

бить-RECP-PC.PST-P.3PL

‘Полокто и Макто подрались друг с другом’.

В примере (73) местоимение 'друг друга' заполняет валентностную рамку и является актантом глагола, поэтому его нельзя опустить. В примере (74) из-за реципрокального показателя *-mache/-machi* глагол оказывается непереходным, поэтому реципрокальное местоимение можно опустить.

Несколько иначе обстоит дело с основами непереходных глаголов, к которым присоединяется суффикс *-mache/-machi*. Эти глаголы уже являются лексическими реципроками, и специальный показатель оказывается дополнительным средством выражения рассматриваемого значения:

(75) *Polokto-žī Makto-žī* (*žea žea-žea-a-ri*)

Полокто-INS Макто-INS (друг друг-INS-OBL-P.REFL.PL)

sore-xa-chi.

бить-PC.PST-P.3PL

‘Полокто и Макто поссорились (друг с другом)’.

(76) *Polokto-žī Makto-žī* (*žea žea-žea-a-ri*)

Полокто-INS Макто-INS (друг друг-INS-OBL-P.REFL.PL)

sore-mache-xa-chi.

бить-RECP-PC.PST-P.3PL

‘Полокто и Макто поссорились друг с другом’.

В этом случае реципрокальное местоимение употребляется факультативно независимо от суффикса *-mache/-machi*, что объясняется наличием лексического реципрока. Кроме того, в примере (75), в котором отсутствует суффикс реципрока, местоимение, тем не менее, занимает позицию косвенного дополнения, а не прямого, как в примере (73), поскольку в данном случае мы имеем дело с основой непереходного глагола.

Таким образом, на данном этапе можно вывести три типа нанайских конструкций, описывающих реципрокальную ситуацию:

1. [[A B] (друг друга-INS-P.REFL.PL) PRED.TR-RECP-P.PL]
2. [[A B] *(друг друга-OBL-P.REFL.PL) PRED.TR-P.PL]
3. [[A B] (друг друга-INS-P.REFL.PL) PRED.INTR-(RECP)-P.PL]

A и B — реципроканты, то есть участники реципрокальной ситуации. Во всех приведенных выше конструкциях оба участника являются элементами одной составляющей и согласуются с предикатом во множественном числе.

PRED.TR — основа переходного глагола. PRED.INTR — основа непереходного глагола.

RECP — суффикс реципрока *-mache/-machi*.

В [Аврорин 1961: 42] конструкция 1 представлена иначе: реципрокальное местоимение занимает позицию не косвенного, а прямого дополнения. Конструкция, описанная в «Грамматике нанайского языка», должна выглядеть так:

- 1*. [[A B] (друг друга-OBL-P.REFL.PL) PRED.TR-RECP-P.PL].

В таком случае местоимение 'друг друга' — единственная именная группа, которая может занимать позицию прямого дополнения в данной конструкции. Аналогичную реципрокальную конструкцию можно обнаружить в других тунгусо-маньчжурских языках: в эвенкийском [Nedjalkov&Nedjalkov 2007: 1617], эвенском [Malchukov 2007: 1662–1663], удэгейском [Nikolaeva 2007: 949], а также в других алтайских языках (см., например, бурятский и халха-монгольский [Nedjalkov et al. 2007: 1327–1329] или калмыцкий [Оскольская 2008в: 142]).

Однако материалы, собранные в ходе лингвистической экспедиции в 2007 году, показывают, что нанайцы предпочитают употреблять конструкцию 1 и никогда не переводят русские предложения на нанайский при помощи конструкции 1*. Возможно, это происходит под влиянием русского языка, в котором конструкция 1* недопустима.

Помимо описанных реципрокальных конструкций, возможен и другой тип конструкции, в котором только один реципрокант занимает позицию подлежащего, а другой участник занимает позицию косвенного дополнения и зависит от предиката. Предикат согласуется с подлежащим в единственном числе. В этом случае значение реципрока обязательно должно быть выражено либо лексически (78), либо с помощью показателя *-mache/-machi* (77), поскольку употребление реципрокального местоимения ‘друг друга’ невозможно:

(77) *Mi Makto-ž'i* (* *žea žea-žea-a-ri*)
 1SG Макто-INS (* друг друг-INS-OBL-P.REFL.PL)
tojka-mache-xam-bi.
 бить-RECP-PC.PST-P.1SG
 ‘Я подрался с Макто’.

(78) *Mi Makto-ž'i* (* *žea žea-žea-a-ri*)
 1SG Макто-INS (* друг друг-INS-OBL-P.REFL.PL)
sore-xam-bi.
 ссориться-PC.PST-P.1SG
 ‘Я поспорился с Макто’.

Схематично эта реципрокальная конструкция в двух вариантах выглядит следующим образом:

4. [A [B (* друг друга-INS-P.REFL.PL) PRED.TR-RECP-P.SG]]
5. [A [B (* друг друга-INS-P.REFL.PL) PRED.INTR.RECP-P.SG]]

PRED.INTR.RECP — основа непереходного глагола, лексический реципрок.

Суффикс *-mache/-machi* обладает малой продуктивностью и может присоединяться к ограниченному числу глагольных основ. Более того, этот суффикс может участвовать практически только в «канонических» реципрокальных конструкциях и, возможно, в «косвенных», по терминологии В.П. Недялкова.

В.П. Недялков [Nedjalkov 2007: 69] выводит иерархию диатезных типов реципроков:

(79) «канонические» > «косвенные» > «притяжательные» >
«адвербиальные» > «необратимые»

При «каноническом» реципроке показатель реципрока маркирует удаление из синтаксической структуры позиции прямого дополнения (*Петя и Маша целуются* и *Петя целует Машу*_{DO}; также примером «канонического» реципрока могут служить нанайские предложения (67), (74) и (77)).

При «косвенном» реципроке показатель реципрока маркирует удаление из синтаксической структуры позиции косвенного дополнения. По формальным критериям примером на этот тип реципрока может служить нанайское предложение (76) vs. (78), поскольку в примере (78) второй участник занимает позицию косвенного дополнения, а в примере (76) второй участник входит в составляющую, занимающую подлежащую позицию. Однако не стоит забывать о том, что в данном случае реципрокальная форма образуется от глагольной основы, которая уже лексически выражает значение взаимности. А под «косвенными» реципроками имеются в виду в первую очередь такие, которые образованы от глагольных основ без реципрокального компонента значения.

При «притяжательном» реципроке показатель маркирует удаление из синтаксической структуры позиции притяжательного атрибута. При «адвербиальном» реципроке показатель маркирует удаление из синтаксической структуры позиции сирконстанта (компонента, который не предполагается лексическим значением глагола). Нанайских примеров на «притяжательный» и

«адвербиальный» типы реципроков с показателем *-mache/-machi* не обнаружено.

«Необратимый» тип, в отличие от всех остальных, не предполагает изменения аргументной структуры глагола: «показатель реципрока не маркирует удаление какой-либо составляющей» [Nedjalkov 2007: 54] (см. пример из эвенкийского языка (80–81)¹⁸).

(80) *murin keenari-žara-n*
лошадь ржать-PRS-3SG
'Лошадь ржет'.

(81) *muri-r keenari-maat-čara-∅*
лошадь-PL ржать-RECP-PRS-3PL
'Лошади ржут друг на друга'.

В примере (80) не предполагается наличие второго участника, что не мешает образовать реципрокальную форму от этого глагола.

Хотя В.П. Недялков приводит пример на «необратимый» тип реципроков из эвенкийского — тунгусо-маньчжурского языка, родственного нанайскому, в нанайском языке не обнаружено ни одного примера на «необратимый» тип с суффиксом реципрока. В.П. Недялков сам отмечает, что этот тип реципроков встречается крайне редко в языках мира, а эвенкийский пример является чуть ли не единственным примером, обнаруженным в материалах по данному языку.

Таким образом, для нанайского языка характерна следующая область на иерархии диатезных типов реципроков (существующие в нанайском языке типы подчеркнуты, «косвенный» тип подчеркнут не до конца по причине, обсуждавшейся выше на стр. 56-57):

(82) «канонические» > «косвенные» > «притяжательные» >
«адвербиальные» > «необратимые»

Аналогичную область на иерархии диатезных типов реципроков занимают удэгейские реципроки [Nikolaeva 2007: 942], с той лишь оговоркой, что в

¹⁸ Пример взят из [Nedjalkov 2007: 62].

удэгейском языке «косвенные» реципроки более продуктивны, нежели в нанайском.

Как было сказано выше, реципрокальный суффикс *-mache/-machi* может присоединяться лишь к небольшому числу глагольных основ. Поэтому основным способом описания реципрокальной ситуации в нанайском языке является употребление реципрокального местоимения 'друг друга', как в конструкциях 2 или 3 (примеры 73, 75 и 83), а в некоторых случаях опускается и реципрокальное местоимение — о значении приходится догадываться лишь по контексту (пример 84).

(83) *Makto-žǐ Polokto-žǐ bəlachi-i-chi žea*
 Макто-INS Полокто-INS помочь-PC.NPST-P.3PL друг
žea-do-a-ri sogdata-wa wa-wo-re-wa.
 друг-DAT-OBL-P.3PL рыба-OBL убить-IMPERS-P.3PL-OBL
 'Макто и Полокто помогают друг другу ловить рыбу'.

(84) *Makto-žǐ Polokto-žǐ chexala-xa-chi.*
 Макто-INS Полокто-INS согласиться-PC.PST-P.3PL
 'Макто и Полокто согласились (друг с другом)'.

Реципрокальное местоимение 'друг друга' может употребляться только в сочинительной комитативной конструкции 2 (конструкция С, пример 85) или в сочинительной конструкции (конструкция D, примеры 86 и 87).

(85) *žea žea-že-a-ri Pete-žǐ Masha-žǐ ulən-žǐ*
 Друг друг-INS-OBL-P.3PL Петя-INS Маша-INS хороший-INS
bi-i-chi.
 жить-PC.NPST-P.3PL
 'Петя и Маша дружат друг с другом'.

(86) *žea žea-že-a-ri Pete Masha ulən-žī*
 Друг друг-INS-OBL-P.3PL Петя Маша хороший-INS
bi-i-chi.

жить-PC.NPST-P.3PL

‘Петя и Маша дружат друг с другом’.

(87) *žea žea-že-a-ri Pete Masha gəsə*
 Друг друг-INS-OBL-P.3PL Петя Маша вместе
ulən-žī bi-i-chi.

хороший-INS жить-PC.NPST-P.3PL

‘Петя и Маша дружат друг с другом’.

Это местоимение не может употребляться при собственно комитативной конструкции (конструкция А, примеры 77 и 78), поскольку второй участник не входит в состав подлежащего, а следовательно, подлежащее представляет собой **единичного** участника, в то время как реципрокальное местоимение содержит в себе возвратно-притяжательный показатель множественного числа, который должен соотноситься с **множественным** подлежащим. Тем не менее, как уже обсуждалось выше, конструкция А возможна при описании реципрокальной ситуации и употребляется в реципрокальных конструкциях 4 и 5.

Реципрокальное местоимение 'друг друга' также невозможно при сочинительной комитативной конструкции 1 (конструкция В, пример 88), несмотря на то, что оба участника представляют собой одну составляющую и занимают позицию подлежащего, так как согласуются с предикатом во множественном числе. Запрет на реципрокальное местоимение говорит о том, что конструкция В по своим свойствам ближе к собственно комитативной конструкции А, а участники не являются в полной мере синтаксически равноправными.

(88) *žea žea-že-a-ri Pete Masha-ži ulən-ži*
 Друг друг-INS-OBL-P.3PL Петя Маша-INS хороший-INS
bi-i-chi.

жить-PC.NPST-P.3PL

‘Петя и Маша дружат друг с другом’.

Интересно отметить происхождение рассматриваемого реципрокального местоимения: оно состоит из двух однокоренных слов, имеющих значение ‘друг, приятель’. Скорее всего, это не совсем удачная калька с русского местоимения *друг друга*, которое, на самом деле, образовано от слова *другой*, а не от существительного *друг*. Сейчас предпочтительно употребляется именно это нанайское реципрокальное местоимение, однако возможны и другие сочетания: *mənə dola-ri* сам внутри-P.REFL.PL ‘между собой’ или *žiə-ži-ə-ri* два-INS-OBL-P.REFL.PL ‘вдвоем’.

Социативная ситуация не выражается никакими специальными грамматическими средствами. По свидетельству В.А. Аврорина [1961: 43], крайне редко в социативном значении может употребляться суффикс реципрока *-mache/-machi*:

(89) *N’amn’a-j gurun-səl loxon-že-a-ri*
 ехать.верхом-PC.NPST народ-PL шашка-INS-OBL-P.REFL.PL
xarxe-mache-xa-chi.

махать-RECP-PC.PST-P.3PL

‘Скачущие (на лошадях) люди шашками своими размахивали (все вместе)’.

Ситуация следования может быть описана с помощью реципрокального местоимения ‘друг друга’:

(90) *Boa-la nuuchi gurun-səl tutu-j-chi*
 Природа-LOCмаленький люди-PL бежать-PC.NPST-P.3PL
ḷea ḷea-wa-ri xamea-la-n'i.
 друг друг-OBL-P.REFL.PL зад-LOC-P.3SG
 'На улице дети бегают друг за другом'.

Вышеописанные явления показывают, что в нанайском языке очень слабо развиты грамматические способы описания ситуаций с множеством участников. О грамматическом выражении какого-либо из значений множественности участников можно говорить лишь по отношению к реципрокам, для которых существует специальный показатель, хоть и непродуктивный.

4. Заключение

В данной работе было показано, что сфера множественности участников в нанайском языке грамматикализована слабо. В области именной множественности нет грамматической словоизменительной категории числа и, как следствие, не развита строгая система обязательного согласования. В нанайском языке есть ряд показателей множественного числа: раньше некоторые из них употреблялись только с существительными, обозначающими лиц, и различались по значению аддитивной и ассоциативной множественности, некоторые показатели обладали компонентом значения собирательности и могли употребляться как с одушевленными, так и с неодушевленными именами. Сейчас под влиянием русского языка один из показателей (*-sal/-səl*) расширил сферу употребления и стал регулярным, что говорит о развитии грамматической категории числа, не обладающей обязательностью.

Согласование в нанайском языке, так же, как и категория числа, не является обязательным, однако подлежащее регулярно согласуется со сказуемым по числу. Возможно, «согласовательные» маркеры не являются в полной мере согласовательными и сами передают значение

единственного/общего или множественного числа. Поскольку подлежащее и сказуемое в рамках одной клаузы обычно описывают одну и ту же ситуацию, то и множественность участников часто выражается и на имени, и на предикате. Однако из-за факультативности числа может происходить рассогласование.

Помимо специальных суффиксов, множественность участников может быть выражена с помощью соединения именных групп. Существует две стратегии соединения именных групп: сочинительная (соположение именных групп) и комитативная (употребление комитативного показателя — в данном случае инструменталиса). По формальным признакам в нанайском языке можно выделить четыре конструкции, которым свойственно соединение именных групп.

Область глагольной множественности в нанайском языке не грамматикализована. Суффикс *-kta/-ktə* отражает множественность событий, но не участников, как можно было бы предположить исходя из «Грамматики нанайского языка» В.А. Аврорина. Для описания различных типов ситуаций с множеством участников используются в основном лексические средства. Лишь для описания реципрокальной ситуации для ограниченного ряда глагольных лексем может быть использована реципрокальная конструкция, содержащая показатель реципрока *-mache/-məchi*. В большинстве случаев в этой функции употребляются конструкции с реципрокальным местоимением 'друг друга'.

Литература

- Аврорин 1959 — *В.А. Аврорин*. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М., Л., 1959.
- Аврорин 1961 — *В.А. Аврорин*. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М., Л., 1961.
- Аврорин 1986 — *В.А. Аврорин*. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986.
- Архипов 2004 — *А.В. Архипов*. Языки 'AND' и языки 'WITH': Сколько делений бывает на бинарной шкале? // Первая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 24–25 сентября 2004). СПб.: Наука, 2004.
- Архипов 2005 — *А.В. Архипов*. Типология комитативных конструкций. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Рукопись. М., 2005.
- Выдрина 2009 — *А.В. Выдрина*. Показатель глагольной множественности в языке какабе. Хэндаут доклада, представленного на конференции "Ольдерогговские Чтения" в Санкт-Петербурге, 22–24 апреля 2009.
- Даниэль 2000 — *М.А. Даниэль*. Типология ассоциативной множественности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Рукопись. М., 2000.
- Даниэль 2007 — *М.А. Даниэль*. Периферийные значения категории числа // Е.А. Лютикова, К.И. Казенин, В.Д. Соловьев и С.Г. Татевосов (ред.). Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике. Казань: Магариф, 2007.
- Иванов 1975 — *С.Н. Иванов*. Курс турецкой грамматики. Ч. 1. Л., 1975.
- Оскольская 2007а — *С.А. Оскольская*. Показатель ассоциативной множественности *-ana/-ene* в нанайском языке. Курсовая работа. СПб, 2007.
- Оскольская 2007б — *С.А. Оскольская*. Показатель ассоциативной множественности *-ana/-ene* в нанайском языке // Четвертая Конференция

- по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы (Санкт-Петербург, 01–03 ноября 2007). СПб.: «Нестор — История», 2007.
- Оскольская 2008а — *С.А. Оскольская*. Комитативные конструкции в нанайском языке. Курсовая работа. СПб, 2008.
- Оскольская 2008б — *С.А. Оскольская*. Способы выражения значения совместности в нанайском языке // Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное изучение языков и культур: сборник материалов международной научной конференции XXV Дульзоновские чтения. Томск, 2008.
- Оскольская 2008в — *С.А. Оскольская*. Способы выражения множественности участников в калмыцком языке // *Acta linguistica Petropolitana*. Труды ИЛИ РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. 4. Ч. 2. СПб.: Наука, 2008.
- Петрова 1941 — *Т.И. Петрова*. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1941.
- Плунгян 2003 — *В.А. Плунгян*. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2003.
- Рамстедт 1957 — *Г.И. Рамстедт*. Введение в алтайское языкознание / Пер. с немецкого. М., 1957.
- Сем 1976 — *Л.И. Сем*. Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский) диалект. Л.: Наука, 1976.
- Сем 1997 — *Л.И. Сем*. Нанайский язык // В.М. Алпатов и др. (ред.). Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-манчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997.
- Суник 1958 — *О.П. Суник*. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л., 1958.
- Суник 1982 — *О.П. Суник*. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. Л.: Наука, 1982.
- Дыбо 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 2002.

- Bybee 1994 — *J. Bybee*. The Grammaticization of Zero. Asymmetries in Tense and Aspect Systems // *Perspectives on Grammaticalization* / W. Pagliuca (ed.). Amsterdam, John Benjamins, 1994. P. 235–254.
- Corbett 2000 — *G.G. Corbett*. Number. Cambridge: CUP, 2000.
- Corbett 2006 — *G.G. Corbett*. Agreement. Cambridge: CUP, 2006.
- Durie 1986 — *M. Durie*. The grammaticization of number as a verbal category // *Berkeley Linguistics Society* 12. 1986.
- Lichtenberk 1985 — *F. Lichtenberk*. Multiple uses of reciprocal constructions // *Australian Journal of Linguistics*, 5, No. 1. 1985.
- Malchukov 2007 — *A.L. Malchukov*. Reciprocal and sociative constructions in Even // V.P. Nedjalkov (ed.). *Typology of reciprocal constructions*. Ch. 39. Amsterdam: Benjamins. 2007.
- Mithun 1988 — *M. Mithun*. The Grammaticalization of Coordination // John Haiman and Sandra A. Thompson (eds.). *Clause Combining in Grammar and Discourse*. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1988.
- Nedjalkov et al. 2007 — *V.P. Nedjalkov, E.K. Skribnik, E.A. Kuzmenkov, and N.S. Yakhontova*. Reciprocal, sociative, comitative, and assistive constructions in Buryat and Khalkha-Mongol // V.P. Nedjalkov (ed.). *Typology of reciprocal constructions*. Ch. 29. Amsterdam: Benjamins. 2007.
- Nedjalkov 2007 — *V.P. Nedjalkov*. Typological aspects of the investigation of reciprocals // V.P. Nedjalkov (ed.). *Typology of reciprocal constructions*. Ch. 1. Amsterdam: Benjamins. 2007.
- Nedjalkov&Nedjalkov 2007 — *I.V. Nedjalkov, V.P. Nedjalkov*. Reciprocals and sociatives in Evenki (with an appendix on Manchu) // V.P. Nedjalkov (ed.). *Typology of reciprocal constructions*. Ch. 38. Amsterdam: Benjamins. 2007.
- Nikolaeva 2007 — *I. Nikolaeva*. Reciprocals and sociatives in Udehe // V.P. Nedjalkov (ed.). *Typology of reciprocal constructions*. Ch. 23. Amsterdam: Benjamins. 2007.
- Stassen 2000 — *L. Stassen*. AND-languages and WITH-languages // *Linguistic Typology*, v. 4, n. 1. 2000.

Steele 1978 — *S. Steele*. Word order variation: a typological study // Joseph H. Greenberg, Charles A. Ferguson and Edith A. Moravcsik (eds.). *Universals of Human Language IV: Syntax*. Stanford: Stanford University Press, 1978.

Приложение 1. Общие сведения о нанайском языке

В этой части работы представлены основные фонетические и грамматические особенности нанайского языка, которые могут понадобиться для понимания представленного выше текста.

1. Фонетическая характеристика. В нанайском языке фонемы в рамках одного слова сильно взаимодействуют, что приводит к качественному изменению многих из них. Нет смысла приводить все фонетические законы, от которых зависит поведение той или иной фонемы, достаточно иметь в виду, что вследствие многочисленности этих законов одна морфема может иметь довольно много алломорфов.

В нанайском языке есть сингармонизм по подъему. Ниже представлена система гласных, ее запись в традиционной орфографии и два сингармонических ряда:

Сингармонизм по подъему¹⁹:

і **и**
е э о
а

Традиционная орфография:

и **у**
и е о
а

1 ряд: і э и

2 ряд: е а о

В конце слова гласный **о** меняется на **и**, а гласный **е** — на **і**, независимо от сингармонического ряда.

2. Грамматическая характеристика.

2.1. Порядок слов. Основной порядок слов: SOV, однако имеющиеся материалы показывают, что порядок слов в нанайском нестрогий, глагол может оказаться как в середине, так и в начале предложения.

¹⁹ В данной работе я придерживалась общепринятой записи.

2.2. Предикат.

2.2.1. Причастие. В качестве сказуемого в нейтральном предложении чаще всего используется причастие. Причастие может иметь форму прошедшего (PST) или настоящего-будущего (NPST) времени. Различают личное и безличное причастия. Безличное причастие имеет специальный показатель безличности *и*, естественно, не имеет лично-притяжательного показателя. Безличное причастие часто употребляется как инфинитив в русском языке (зависит от других глаголов).

Парадигма причастия 'читать'

	NPST	PST
P.1SG	<i>xola-i</i>	<i>xola-xam-bi</i>
P.2SG	<i>xola-j-si</i>	<i>xola-xa-si</i>
P.3SG	<i>xola-j-n'i</i>	<i>xola-xa-n'i</i>
P.1PL	<i>xola-j-pu</i>	<i>xola-xa-pu</i>
P.2PL	<i>xola-j-su</i>	<i>xola-xa-su</i>
P.3PL	<i>xola-j-chi</i>	<i>xola-xa-chi</i>
P.REFL.SG	<i>xola-i</i>	<i>xola-xam-bi</i>
P.REFL.PL	<i>xola-j-wari</i>	<i>xola-xam-bari</i>

Причастие может употребляться в функции сказуемого, в атрибутивной функции и в субстантивной функции.

2.2.2. Глагол. В глагольной сфере (то есть в области финитных форм) можно выделить категорию наклонения. В изъявительном наклонении (индикативе) нет специального показателя. Глагол может иметь форму прошедшего, настоящего или будущего времени. Помимо индикатива в нанайском языке существует оптатив, императив и сослагательное наклонение. Каждое из этих наклонений имеет показатель и свою парадигму.

2.2.3. Деепричастие. В нанайском языке можно выделить четыре типа деепричастий:

- 1) Одновременное деепричастие: совпадение по времени момента совершения второстепенного действия (выраженного деепричастием) с моментом совершения главного действия (выраженного словом, подчиняющим себе деепричастие).

Односубъектное. Есть категория числа.

-mi – CV.SIM.SG

-mare/-məri – CV.SIM.PL

- 2) Разновременное деепричастие: второстепенное, добавочное действие, момент окончания которого предшествует моменту начала главного действия. Нет значения причинно-следственной связи, расстояния во времени любое.

Односубъектное.

-ra/-rə; -da/-də (-ta/-tə) – CV.NSIM

- 3) Условное деепричастие: см. разновременное деепричастие. Но присутствует оттенок причинности или условности.

Односубъектное. Есть категория числа.

-pi – CV.CONC.SG

-pare/-pəri – CV.CONC.PL

- 4) Условно-временное деепричастие: см. условное деепричастие.

Разносубъектное. Есть категория лица. Категория числа.

-woche/-wuchi – *-boche/-buchi* – *-oche/-ochi* – CV.CONC2

2.2.4. Категория вида. В нанайском языке можно выделить имперфективную и перфективную зоны, каждая из которых обладает своими особенностями. На данный момент система глагольного вида в нанайском не изучена. В.А. Аврорин выделял 11 видов: Вид краткости или однократности действия (PRF), Вид длительности, многократности и постоянства действия (IPFV), Вид продолжительности состояния, являющегося результатом того или иного действия (RES), Вид многократности и многообъектности действия (PLR), Вид периодичности действия (HAB), Вид раздробленности (SMF), Вид имитации и неполной интенсивности действия (IMIT), Вид зачина действия

(INCH1), Вид начала длительного действия (INCH2), Вид противоположности и повторности действия (ANT) и Вид повышенной интенсивности действия (over). По всей видимости, указанные «виды» аналогичны по своей природе русским приставкам, которые могут влиять на видовую характеристику глагола и отражают характер протекания действия. Тем не менее, в лингвистической традиции не принято считать, например, приставку *no-* (*noexatʰ*, *noyti*) показателем «вида зачина действия».

2.2.5. В.А. Аврорин также выделяет категорию породы, пытаясь классифицировать многочисленные словообразовательные аффиксы. Убедительных аргументов в пользу того, чтобы считать ее отдельной грамматической категорией, не обнаружено. Однако из-за неизученности этой области грамматики нанайского языка будем следовать терминологии В.А. Аврорина.

1) Порода долженствования: «действие должно совершиться, причем необходимость этого зависит не от говорящего и даже не от действующего лица, а от объективно существующих вне их причин» [Аврорин 1961: 60]. Форма: *-gela/-gilə* (DEB).

2) Порода цели: «движение, отправление действующего лица с целью совершить действие, обозначенное предыдущей основой этого слова» [Аврорин 1961: 61]. Форма: *-nda/-ndə* (PURP).

3) Порода намерения: «попытка, стремление, намерение совершить действие» [Аврорин 1961: 62]. Форма: *-jcha/-jchə* (DES).

4) Порода потребности: «органическая потребность» [Аврорин 1961: 64]. Форма: *-mose/-musi* (REQ).

2.2.6. Залог. Страдательный залог образуется с помощью показателя *-p* (PASS).

2.2.7. Актантная деривация. Показатель каузатива: *-wan/-wən* (CAUS). Показатель реципрока: *-mache/-machi* (RECP).

2.3. Имя.

2.3.1. Категория числа. Показатели множественного числа: *-sal/-sel*, *-ana/-əna*. Показатели собирательности: *-kta/-kta*, *-žoan/-žiən*.

2.3.2. Категория падежа и притяжательности.

2.3.2.1. Простое склонение (существительное *ogda* ‘лодка’)

Nom	<i>ogda</i>
Acc (Obl)	<i>ogda-wa</i>
Ins	<i>ogda-ži</i>
Dat	<i>ogda-du</i>
Loc	<i>ogda-la</i>
Dir	<i>ogda-chi</i>
Abl	<i>ogda-žea ži</i>

В нанайском языке показатель косвенного падежа в лично-притяжательном склонении совпадает с показателем винительного падежа. Очевидно, исторически это один и тот же показатель. Поэтому для удобства и винительный падеж, и косвенный обозначаются везде одинаково: OBL.

2.3.2.2. Лично-притяжательное склонение

	P.1SG	P.2SG	P.3SG	P.1PL	P.2PL	P.3PL
Nom	<i>ogda-i</i>	<i>ogda-si</i>	<i>ogda-ni</i>	<i>ogda-pu</i>	<i>ogda-su</i>	<i>ogda-chi</i>
Acc (Obl)	<i>ogda-e-wa</i>	<i>ogda-wa-si</i>	<i>ogda-wa-ni</i>	<i>ogda-po-wa</i>	<i>ogda-wa-su</i>	<i>ogda-wa-chi</i>
Dest ²⁰	<i>ogda-go-e-wa</i>	<i>ogda-go-a-si</i>	<i>ogda-go-a-ni</i>	<i>ogda-go-po-wa</i>	<i>ogda-go-a-su</i>	<i>ogda-go-a-chi</i>
Ins	<i>ogda-že-e-wa</i>	<i>ogda-že-a-si</i>	<i>ogda-že-a-ni</i>	<i>ogda-že-po-wa</i>	<i>ogda-že-a-su</i>	<i>ogda-že-a-chi</i>
Dat	<i>ogda-do-e-wa</i>	<i>ogda-do-a-si</i>	<i>ogda-do-a-ni</i>	<i>ogda-do-po-wa</i>	<i>ogda-do-a-su</i>	<i>ogda-do-a-chi</i>
Loc	<i>ogda-la-e-wa</i>	<i>ogda-la-si</i>	<i>ogda-la-ni</i>	<i>ogda-la-po-wa</i>	<i>ogda-la-su</i>	<i>ogda-la-chi</i>
Dir	<i>ogda-che-e-wa</i>	<i>ogda-che-a-si</i>	<i>ogda-che-a-ni</i>	<i>ogda-che-po-wa</i>	<i>ogda-che-a-su</i>	<i>ogda-che-a-chi</i>
Abl	<i>ogda-žeaže-e-wa</i>	<i>ogda-žeaže-a-si</i>	<i>ogda-žeaže-a-ni</i>	<i>ogda-žeaže-po-wa</i>	<i>ogda-žeaže-a-su</i>	<i>ogda-žeaže-a-chi</i>

²⁰ Назначительный падеж по В.А. Аврорину.

Как видно по таблице, порядок притяжательного показателя (выделен жирным) и суффикса косвенного падежа (подчеркнут) зависит от лица:

1 лицо: **P** > OBL

2 и 3 лицо: OBL > **P**

Об употреблении назначительного падежа В.А. Аврорин пишет следующее: «... суффикс назначительного падежа *-go/-gu* выражает ... общую, абстрактную идею предназначенности предмета...» [Аврорин 1959: 179].

2.3.2.3. Возвратно-притяжательное склонение

	P.REFL.SG	P.REFL.PL
Nom	—	—
Acc (Obl)	<i>ogda-i</i>	<i>ogda-wari</i>
Dest	<i>ogda-go-i</i>	<i>ogda-go-ari</i>
Ins	<i>ogda-že-i</i>	<i>ogda-že-ari</i>
Dat	<i>ogda-do-i</i>	<i>ogda-do-ari</i>
Loc	<i>ogda-la-i</i>	<i>ogda-la-ri</i>
Dir	<i>ogda-che-i</i>	<i>ogda-che-ari</i>
Abl	<i>ogda-že^aže-i</i>	<i>ogda-že^aže-ari</i>

2.3.3. Звательная основа. Для небольшого числа существительных, обозначающих термины родства, различаются звательная и повествовательная основы. Звательная основа равна целому слову и употребляется при обращении. Повествовательная основа употребляется в обычных текстах и способна присоединять падежные и притяжательные показатели. Следующие основы приводятся по [Аврорин 1959: 124]:

<i>ama</i> — <i>amen-</i>	‘отец’
<i>ən'ia</i> — <i>ən'in-</i>	‘мать’
<i>aga</i> — <i>ag- / a-</i>	‘старший брат’
<i>əgə</i> — <i>əjkə-</i>	‘старшая сестра’
<i>dama</i> — <i>damen-</i>	‘дедушка’
<i>dan'a</i> — <i>danen-</i>	‘бабушка’

achəkə — *əksən*- ‘дядя (младший брат отца)’

guchəkə — *gusin*- ‘дядя (младший брат матери)’

Приложение 2. Список глосс

1 — 1 лицо

2 — 2 лицо

3 — 3 лицо

ABL — аблатив, исходный падеж

ACC — аккузатив, винительный падеж

ANT — вид противоположности и повторности действия

ASS.PL — ассоциативная множественность

ASSOC — ассоциатив, совместный падеж

CAUS — каузатив

COLL — собирательность

COP — частица

CV.CONC — условное деепричастие

CV.CONC2 — условно-временное деепричастие

CV.NSIM — одновременное деепричастие

CV.SIM — одновременное деепричастие

DAT — датив, дательный падеж

DEB — порода долженствования

DES — порода намерения

DEST — назначительный падеж

DIM — уменьшительность

DIR — директив, направительный падеж

HAB — вид периодичности действия

IMIT — вид имитации и неполной интенсивности действия

IMPERS — безличность

INCH1 — вид зачина действия

INCH2 — вид начала длительного действия

INS — инструменталис, творительный падеж

IPFV — вид длительности, многократности и постоянства действия

LOC — локатив, местный падеж

NEG — отрицание

NOM — номинатив, именительный падеж

NPST — настоящее-будущее время

OBL — обликвус, косвенный-винительный падеж

over — вид повышенной интенсивности действия

P — притяжательность

PASS — пассив, страдательный залог

PC — причастие

PL — множественное число

PLR — вид многократности и многообъектности действия

POSS — обладание (~ комитатив)

PRF — вид краткости или однократности действия

PRS — настоящее время

PST — прошедшее время

PURP — порода цели

RECP — реципрок

REFL — рефлексив

REQ — порода потребности

RES — вид продолжительности состояния, являющегося результатом того
или иного действия

SG — единственное число

SMF — вид раздробленности